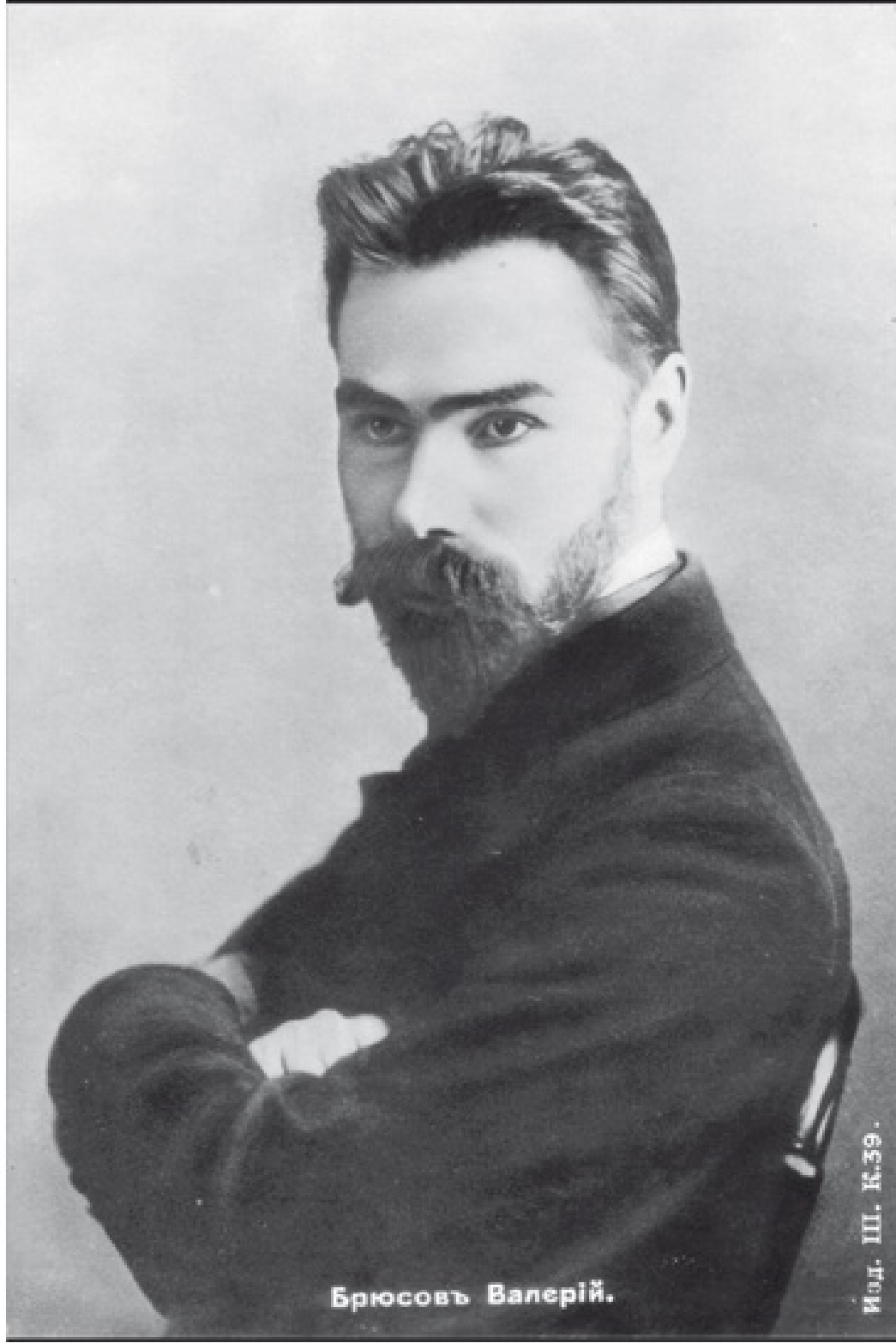

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ В ПОЭЗИИ ЕГО СОВРЕМЕННИКОВ

Брюсовъ Валерій.

Изд. III. К.39.

ВЕНОК БРЮСОВУ

Annotation

«Венок Брюсову» выходит к 140-летию со дня рождения Мастера. Это наиболее полное на сегодняшний день собрание стихотворных посвящений поэту. Книга стремится показать личный и литературный облик Валерия Брюсова в восприятии современников – от друзей до недругов, от соратников по символизму до безвестных дебютантов. В сборник, включающий в себя 132 текста 82 авторов, вошли не просто посвященные Брюсову произведения, но, как правило, непосредственно к нему обращенные или содержащие его «портрет».

- [Венок Брюсову. Валерий Брюсов в поэзии его современников](#)
 - [Стихотворения:](#)
 - [«Велик как человек и как поэт...»](#)
 - [Венок Брюсову](#)
 - [Сергей Поляков](#)
 - [Валерию Брюсову, Императору рифм](#)
 - [Константин Бальмонт](#)
 - [«Только ты в мой ум проник...»](#)
 - [Виктор Гофман](#)
 - [Валерию Брюсову](#)
 - [А.Л. Миропольский](#)
 - [Великому брату](#)
 - [Константин Бальмонт](#)
 - [Валерию](#)
 - [Андрей Белый](#)
 - [Маг](#)
 - [Александр Койранский](#)
 - [В. Брюсов](#)
 - [Зинаида Гиппиус](#)
 - [«Валерий, Валерий, Валерий, Валерий!...»](#)
 - [Зинаида Гиппиус](#)
 - [Сообщники](#)
 - [Константин Бальмонт](#)
 - [Валерию Брюсову](#)
 - [Константин Бальмонт](#)
 - [Моему единственному брату Валерию Брюсову](#)

- [Максимилиан Волошин](#)
 - [...Когда время останавливается](#)
- [Борис Садовской](#)
 - [Валерию Брюсову](#)
- [Константин Бальмонт](#)
 - [Валерию Брюсову](#)
- [Вячеслав Иванов](#)
 - [Valerio Vati\[1\]](#)
- [Вячеслав Иванов](#)
 - [Ему же](#)
- [Вячеслав Иванов](#)
 - [«О сильный Лиры! Ты, чьи сны необычайны...»](#)
- [Вячеслав Иванов](#)
 - [Mi fur le serpi amiche\[2\]](#)
- [Андрей Белый](#)
 - [Старинному врагу](#)
- [Вячеслав Иванов](#)
 - [Валерию Брюсову](#)
- [Вячеслав Иванов](#)
 - [«Венок»](#)
- [Иннокентий Анненский](#)
 - [Валерию Брюсову](#)
- [Константин Бальмонт](#)
 - [«Где же ты, святыней клявшийся...»](#)
- [Александр Курсинский](#)
 - [Пророк](#)
- [Александр Курсинский](#)
 - [Валерию Яковлевичу Брюсову](#)
- [Сергей Соловьев](#)
 - [Валерию Брюсову](#)
 - [1.](#)
 - [2.](#)
 - [3.](#)
 - [4.](#)
- [В. Григорьев](#)
 - [Поэт](#)
- [Александр Рославлев](#)
 - [Учителю](#)
- [Эллис](#)

- [Поэту наших дней](#)
- [Михаил Кузмин](#)
 - [Акростих](#)
- [С. Яншин](#)
 - [Spiritus](#)
- [Андрей Белый](#)
 - [Поэт](#)
 - [Созидатель](#)
 - [Маг](#)
 - [Встреча](#)
- [Борис Садовской](#)
 - [Валерию Брюсову](#)
- [Юрий Верховский](#)
 - [Валерию Брюсову](#)
- [Владимир Руслов](#)
 - [Послание Валерию Брюсову](#)
- [Иосиф Симановский](#)
 - [В. Брюсову](#)
- [Александр Булдеев](#)
 - [Астролог](#)
- [Константин Бальмонт](#)
 - [Два сонета Валерию Брюсову в ответ на его сонет в «северных цветах» 1911 года](#)
 - [1.](#)
 - [2.](#)
- [Александр Блок](#)
 - [Валерию Брюсову](#)
- [Дмитрий Крючков](#)
 - [Послание Валерию Брюсову](#)
- [С. Владимирова](#)
 - [Валерию Брюсову](#)
 - [<1>](#)
 - [<2>](#)
 - [<3>](#)
 - [<4>](#)
- [Игорь Северянин](#)
 - [Прощальная поэма](#)
- [Марина Цветаева](#)
 - [В.Я. Брюсову](#)

- [Марина Цветаева](#)
 - [В.Я. Брюсову](#)
- [Амари](#)
 - [«Огненный ангел» Валерия Брюсова](#)
- [Я. Любяр](#)
 - [Ответ на стихотворение В. Брюсова «Грядущие гунны»](#)
- [Игорь Северянин](#)
 - [Валерию Брюсову](#)
- [Вадим Шершеневич](#)
 - [Тост](#)
- [Дмитрий Абельдяев](#)
 - [«Поэт-сладкопевец, не зная меня...»](#)
- [Владимир Эльснер](#)
 - [Валерию Брюсову](#)
- [Сергей Бобров](#)
 - [Валерию Брюсову](#)
- [Надежда Львова](#)
 - [На Сайме](#)
- [Надежда Львова](#)
 - [«Долго шли бульваром, повернули обратно...»](#)
- [Надежда Львова](#)
 - [«Мне заранее весело, что я тебе солгу...»](#)
- [Софья Парнок](#)
 - [«Какой неистовый покойник!...»](#)
- [Федор Сологуб](#)
 - [«Зальдивши тайный зной страстей, Валерий...»](#)
- [Елена Сырейщикова](#)
 - [Моему жестокому милому мальчику Валерию](#)
- [Елена Сырейщикова](#)
 - [«Я так тебя люблю, как и мечтать не смела!...»](#)
- [Глеб Анфилов](#)
 - [В.Я. Брюсову](#)
- [Иона Брихничев](#)
 - [В. Брюсову](#)
- [Александр Федоров](#)
 - [На войне](#)
- [Александр Скрябин](#)
 - [Валерию Яковлевичу Брюсову](#)
- [Игорь Северянин](#)

- [Поэза для Брюсова](#)
- [Александр Соколовский](#)
 - [Избраннику](#)
- [Владимир Святловский](#)
 - [В.Я. Брюсов](#)
- [Магдалина Вериго](#)
 - [«В его усталом вдохновеньи...»](#)
- [Игорь Северянин](#)
 - [Валерию Брюсову](#)
- [Игорь Северянин](#)
 - [Брюсов](#)
- [Николай Минаев](#)
 - [Валерию Брюсову](#)
- [Константин Бальмонт](#)
 - [Валерию Брюсову](#)
- [Олег Леонидов](#)
 - [Валерию Брюсову](#)
- [Адалис](#)
 - [«Уходит нежный день с повинной головою...»](#)
- [Адалис](#)
 - [«Вверх голубым дном...»](#)
- [Николай Бернер](#)
 - [В. Брюсову](#)
- [Анатолий Волкович](#)
 - [Многоликий](#)
- [Владимир Кириллов](#)
 - [В те дни](#)
- [Иван Аксенов](#)
 - [Валерию Брюсову](#)
- [Александр Гербстман](#)
 - [Валерию Брюсову сонет-чаша к 50-тилетию](#)
- [Борис Троицкий](#)
 - [Валерию Яковлевичу Брюсову](#)
- [Николай Ушаков](#)
 - [Сонет](#)
- [Александр Кусиков](#)
 - [Валерий Брюсов](#)
- [Борис Пастернак](#)
 - [Брюсову](#)

- [Анатолий Луначарский](#)
 - [Экспромт В. Брюсову в день его юбилея](#)
- [Александр Корчагин](#)
 - [Валерию Брюсову](#)
- [Борис Зубакин](#)
 - [«Вдали от злобственных укусов...»](#)
- [Василий Дембовецкий](#)
 - [Валерий Брюсов](#)
- [Александр Ильинский-Блюменау](#)
 - [«В тысячеголосном уличном шуме...»](#)
- [Сергей Есенин](#)
 - [Памяти Брюсова](#)
- [Н. Ольхин](#)
 - [Каменщику](#)
- [Георгий Шенгели](#)
 - [У гроба Брюсова](#)
- [Иван Логинов](#)
 - [Памяти В.Я. Брюсова](#)
- [Игорь Северянин](#)
 - [На смерть Валерия Брюсова](#)
- [Игорь Славнин](#)
 - [Валерию Брюсову](#)
- [Александр Чачиков](#)
 - [Поэту-филателисту](#)
- [Вера Ключева](#)
 - [Памяти Брюсова](#)
- [Борис Зубакин](#)
 - [Брюсову](#)
- [Вячеслав Иванов](#)
 - [«Как листья ветр, – у Вечности преддверий...»](#)
- [Максим Нетропов](#)
 - [Памяти В.Я. Брюсова](#)
- [Александр Ильинский](#)
 - [Ultimum vale\[4\]](#)
- [Сергей Городецкий](#)
 - [Валерию Брюсову](#)
- [Николай Захаров-Мэнский](#)
 - [Памяти Валерия Брюсова](#)
- [Ольга Мочалова](#)

- Брюсову
- [Сергей Соловьев](#)
 - [«Нас было трое на турнире...»](#)
- [Марк Тарловский](#)
 - [Памяти Брюсова](#)
- [Игорь Северянин](#)
 - [Брюсов](#)
- [Игорь Поступальский](#)
 - [Историк](#)
- [Григорий Ширман](#)
 - [«Опять в цветах знакомый челн...»](#)
- [Григорий Ширман](#)
 - [«В кругу последнем ада, где Виргилий...»](#)
- [Иван Рукавишников](#)
 - [Брюсов](#)
- [Макс Кюнерт](#)
 - [В.Я. Брюсов](#)
- [Яков Городской](#)
 - [К портрету Валерия Брюсова](#)
- [Андрей Белый](#)
 - [Брюсов](#)
 - [1.](#)
 - [4.](#)
- [Борис Зубакин](#)
 - [Кантата Валерию Брюсову, автору «Венка» и «Грядущих гуннов», к десятилетию со дня смерти](#)
- [Георгий Шенгели](#)
 - [Валерий Брюсов](#)
- [Надежда Павлович](#)
 - [Валерий Брюсов](#)
- [Григорий Ширман](#)
 - [«Скажите мне, где проживает некий...»](#)
- [Вадим Борисовский](#)
 - [Памяти В.Я. Брюсова](#)
- [Моисей Альтман](#)
 - [Брюсов Валерий](#)
- [Иосиф Кунин](#)
 - [Памяти В.Я. Брюсова](#)
- [Николай Воробьев](#)

- [«Что это там, где искр летят каскады...»](#)
 - [Георгий Адамович](#)
 - [«Ничего не забываю...»](#)
 - [Примечания](#)
 - [Стихотворения, не включенные в настоящее издание \(в хронологическом порядке\)](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
-

**Венок Брюсову. Валерий Брюсов в поэзии
его современников**

Стихотворения:

Дмитрий Абельдяев, Адалис, Георгий Адамович, Иван Аксенов, Моисей Альтман, Амари, Иннокентий Анненский, Глеб Анфилов, Константин Бальмонт, Андрей Белый, Николай Бернер, Александр Блок, Сергей Бобров, Вадим Борисовский, Иона Брихничев, Александр Булдеев, Магдалина Вериго, С. Владимирова, Юрий Верховский, Анатолий Волкович, Максимилиан Волошин, Николай Воробьев, Александр Гербстман, Зинаида Гиппиус, Сергей Городецкий, Яков Городской, Виктор Гофман, В. Григорьев, Василий Дембовецкий, Сергей Есенин, Николай Захаров-Мэнский, Борис Зубакин, Вячеслав Иванов, Александр Ильинский, Владимир Кириллов, Вера Ключева, Александр Койранский, Дмитрий Крючков, Михаил Кузмин, Иосиф Кунин, Александр Курсинский, Александр Кусиков, Макс Кюнерт, Олег Леонидов, Иван Логинов, Анатолий Луначарский, Надежда Львова, Я. Любяр, Николай Минаев, А. Миропольский, Ольга Мочалова, Максим Нетропов, Н. Ольхин, Надежда Павлович, Софья Парнок, Борис Пастернак, Сергей Поляков, Игорь Поступальский, Александр Рославлев, Иван Рукавишников, Владимир Руслов, Борис Садовской, Владимир Святловский, Игорь Северянин, Иосиф Симановский, Александр Скрябин, Игорь Славнин, Александр Соколовский, Сергей Соловьев, Федор Сологуб, Елена Сырейщикова, МаркТарловский, Борис Троицкий, Николай Ушаков, Александр Федоров, Марина Цветаева, Александр Чачиков, Георгий Шенгели, Вадим Шершеневич, Григорий Ширман, Эллис, Владимир Эльснер.

«Велик как человек и как поэт...»

Каждый поэт посвящает стихи современникам-поэтам, друзьям или врагам. Каждому сколько-нибудь значительному поэту посвящают стихи его современники, великие и малые. Облик поэта в них редко бывает достоверен или историчен – это продукт поэтического творчества, а значит вымысла. Стихи современников отражают не столько облик поэта, сколько его «образ» – представления о нем, зависящие от множества факторов.

Обмен стихотворными посланиями и посвящениями был характерен для поэзии Золотого века – предпушкинского и пушкинского времени. Серебряный век, век символистов и акмеистов, возродил эту традицию, почти угасшую в непоэтическую эпоху шестидесятых и семидесятых годов XIX века. Порой это было подчеркиванием своей избранности и отделенности от мира профанов, но чаще радостно выражало чувство того «сладостного союза», который «издревле меж собой связует» поэтов, будь они в частной жизни друзья или враги.

По количеству и, скажем так, качеству стихотворных посвящений современников среди поэтов Серебряного века на первом месте стоит Александр Блок. За ним следует Валерий Брюсов, и два этих мастера, два признанных кумира и вождя символизма, заметно опережают остальных. Особенности биографии Блока и исторических судеб России вызвали исключительно сильный поэтический отклик на его смерть, в то время как большинство посвящений Брюсову написано при его жизни. Различие корпуса стихотворных посвящений Блоку и Брюсову – прежде всего различие их личных и литературных судеб.

Ю.М. Гельперин в исследовании «Блок в поэзии его современников» верно писал о стойком «обожании» Блока, особенно ярко проявившемся в посмертных стихах. Обожание – слово, мало применимое к Брюсову, хотя его и любили, и ненавидели. Ему адресовали не только восторженные признания, но и гневные инвективы, в том числе стихотворные. Но того, что Блок однажды назвал «какой ужас пошлости», среди посвящений Брюсову мы почти не найдем.

Поэтическую «брюсовиану» можно разделить на пять групп или, скорее, на пять расходящихся кругов. Первый круг – личные обращения близких людей. Таковы стихотворения Константина Бальмонта, являющиеся неотъемлемой частью их переписки, Вячеслава Иванова, Андрея Белого, а также возлюбленных поэта – Надежды Львовой, Елены

Сырейщиковой, Аделины Адалис. Здесь мы встречаем стихотворные записки или инскрипты на книгах, что для самого Брюсова было нехарактерно. Читая и тем более публикуя такие стихи, в чем-то домашнего, в чем-то интимного характера (многие из них не предназначались для печати), можно почувствовать некоторую неловкость. Но... жизнь великого человека уже не принадлежит ему, а нам дорога каждая ее черта. И что бы ни говорил о нем в сердцах тот же Бальмонт, в надписи на первом томе переводов Шелли – и в нашей памяти – останутся слова: «Тебе, единственный мой брат... Хоть мы с тобой далеки, – с тобою вечно мы вдвоем».

Второй круг – обращения соратников по перу, ровесников (в литературном смысле) или учеников. Они предназначались для печати и требовали ответа. Брюсов, как правило, отвечал – из его стихотворных посланий можно составить интересный сборник. Этот круг частично пересекается с первым: Бальмонт и Иванов подчеркивали дружбу с Брюсовым, Белый – восхищение, переходившее в ненависть и обратно. (Именно отсюда идет легенда о Брюсове – «черном маге», подхваченная теми, кто не знал его лично: «астролог» у Александра Булдеева, «безумец, гений и мудрец» у Александра Соколовского и иже с ними). Здесь мы видим имена большинства выдающихся поэтов Серебряного века, по крайней мере, так или иначе связанных с символизмом. Александр Блок откликнулся на присылку сборника «Зеркало теней» стихотворением, которое стало одним из украшений третьего тома его «лирической трилогии». Михаил Кузмин куртуазно обменялся с Брюсовым сонетами-акростихами. Сергей Соловьев и Борис Садовской изливали восторги учеников, признанных и одобренных мастером. Игорь Северянин всячески афишировал не только близость к «президенту среди поэтов», но и то, что они говорят на равных: «Великого приветствует великий». Зинаида Гиппиус, Федор Сологуб, Юргис Балтрушайтис, Максимилиан Волошин, Николай Гумилев посвятили Брюсову значимые для них стихи, даже если в них не было прямого обращения к адресату посвящения. Виктор Гофман и Николай Бернер благодарили за внимание к своим первым опытам, а недовольная Марина Цветаева полемизировала со слишком скромной, по ее мнению, оценкой, которую Валерий Яковлевич дал «Вечернему альбому» и «Волшебному фонарю». Третий круг – стихи людей, лично не знакомых с Брюсовым, но в той или иной степени участвовавших в «литературном процессе». Они покупали его книги, как только те появлялись в магазинах, выписывали журналы, где регулярно печатался Брюсов, ходили на литературные вечера. Наиболее смелые посылали мэтру свои творения с

просьбой – а иногда с требованием – об оценке, советах или протекции. До поры до времени мэтр читал присылаемое, хотя однажды на полях в сердцах написал: «Нельзя же так беззастенчиво подражать Брюсову». Потом обратился с открытым письмом к молодым поэтам, попросив не отнимать у него время, нужное для собственного творчества, или, по крайней мере, не обижаться на молчание. К сожалению, письмо было опубликовано только в наши дни, а поток писем и рукописей, то усиливаясь, то иссякая, не прекращался до самой смерти.

Имена этих стихотворцев (многих уместнее назвать «стихоплетами», нежели «поэтами») по большей части ничего не говорят современному читателю, кроме специалистов и знатоков. Главная ценность их скромных опытов в том, что содержащийся там образ Брюсова – сугубо литературный, не «замутненный» личным знакомством. Обращения, как правило, восторженные: «ваятель четких слов» (Владимир Руслов), «славный учитель и муж, многоопытный в тайном труде песнопений» (Иосиф Симановский), «безумец, гений и мудрец» (Александр Соколовский), «аллей ликейских друг и оргиаст бессонный» (Анатолий Волкович). Много переключек со стихами самого Валерия Яковлевича – воистину «друг друга отражают зеркала, взаимно искажая отраженья». Посвящения Брюсову все чаще появляются в книгах дебютантов, дальнейшая судьба которых на тот момент еще не ясна. Сергей Бобров, Николай Асеев, Константин Большаков займут видное место в литературе; Симановский и Соколовский канут в Лету; сведений о других просто не найти. Нередко стихотворения – опубликованные и неопубликованные – посылались адресату. Иногда это имело продолжение: Брюсов отметил отдельной рецензией первый сборник Александра Булдеева, а Николай Бернер на старости лет, в эмиграции, с благодарностью вспоминал: «Валерий Брюсов был моим другом и первым наставником в творческих исканиях и опытах».

Четвертый круг – приветствия к пятидесятилетнему юбилею (декабрь 1923) и отклики на смерть Брюсова (октябрь 1924), которые я рискну объединить как подведение итогов его жизненного и литературного пути. Отчасти он сделал это сам в стихотворении «Пятьдесят лет». С нелегкой руки некоторых современников юбилей принято считать «казенным» – дескать, не было там ни друзей, ни единомышленников. Тому есть объективные причины: кто-то умер, кто-то оказался в эмиграции, кто-то из оставшихся не принял новой поэзии и позиции Брюсова. Михаил Кузмин не приехал и стихов не прислал, но опубликовал теплую статью. Анатолий Луначарский произнес стихотворный экспромт, не уступающий

большинству посвящений дореволюционного времени. Владимир Кириллов принес на удивление лиричную благодарность юбиляру от имени «пролетарских поэтов». Наконец, едва ли не самую точную и откровенную характеристику Брюсову дал Борис Пастернак, весьма далекий от него и в жизни, и в литературе:

Что мне сказать? Что Брюсова горька
Широко разбежавшаяся участь?
Что ум черствеет в царстве дурака?
Что не безделка – улыбаться, мучась?

Что сонному гражданскому стиху
Вы первый настезь в город дверь открыли?
Что ветер смел с гражданства шелуху
И мы на перья разодрали крылья?..

Что я затем, быть может, не умру,
Что, до смерти теперь устав от гили,
Вы сами, было время, поутру
Линейкой нас не умирать учили?

Поэтические отклики на смерть Брюсова по благожелательности явно превосходили прозаические некрологи и первые мемуарные очерки. Смерть примирила с ним если не врагов, то оппонентов. Вячеслав Иванов из Рима откликнулся на просьбу вдовы поэта сложить «современную молитву» его памяти. Внешне незатейливо, но искренне и с глубокой душевной болью написал Сергей Есенин: «Валерий Яклевич, мир праху твоему». Торжественным, «брюсовским» стихом помянул его Георгий Шенгели: «В дубовом гробу костенеет поэт, и костью над гробом ломается ямб». Наконец, Игорь Северянин гневно ответил хулителям: «Как жалки ваши шиканье и свист над мертвецом, бессмертием согретым». Сказали «последнее прости» и многие безвестные стихотворцы.

Пятый и последний круг – стихи современников, запечатлевшие его литературную «жизнь после смерти» (поэтов позднейших поколений я не рассматриваю). С каждым годом Брюсова вспоминали все реже, но память о нем «в буднях советской недели» выглядела знаком своеобразного «посвящения». Символом этой памяти стало «имя брюсовского дома на Мещанской 32», где жила его вдова и хранительница наследия Иоанна

Матвеевна. Здесь часто бывал Георгий Шенгели, вместе с хозяйкой работали над архивом Игорь Поступальский и Александр Ильинский, а Борис Зубакин и Макс Кюнерт дописали неоконченные произведения Валерия Яковлевича. И все они посвящали ему стихи. В стихах, а теперь и в мемуарах продолжал бороться с «черным магом» Андрей Белый. И даже когда Брюсов стал «историей», его – кумира далекой юности – вспоминали филолог-классик Моисей Альтман и альтист Вадим Борисовский.

Поэты русского зарубежья в любви к Брюсову почти не признавались, хотя, конечно, знали его стихи. «“Тень несозданных созданий...” – готовы мы были повторить как пропускной пароль», – заметил в начале 1960-х годов Георгий Адамович, и после этого признания уже не кажется неожиданным его довоенное стихотворение «Ничего не забываю, ничего не предаю...» с концовкой из брюсовского «Творчества»:

И как прежде, с прежней силой,
В той же звонкой тишине
Возникает призрак милый
На эмалевой стене.

Настоящий сборник – только часть поэтической «брюсовианы», но, смею надеяться, лучшая часть – произведения, не просто формально посвященные Брюсову, но адресованные ему, повествующие о его личности и стихах, об отношениях с авторами посланий, великими и малыми поэтами-современниками. Большинство имен говорит само за себя, а некоторые новые, надеюсь, запомнятся читателям. Брюсов – это не история литературы, но сама литература, сама живая жизнь.

Вот поэтому в перечне длинном
Дорог мне средь сокровищ земных
Провозвестник удачи старинной —
Нестареющий брюсовский стих!

Василий Молодяков

Венок Брюсову

К 140-летию со дня рождения

Сергей Поляков

Валерию Брюсову, Императору рифм

Грустью миров
Повеяло вдруг
От этих строф,
Где брезжет дух
Грядущих снов.
Смущенный ум
Не ищет в них
Значений дум.
Их бьющий стих —
Природы шум.
Ты пробудил
Во мне мечты
О силе сил...
Ты —
Победил!

7 августа 1899

Константин Бальмонт

«Только ты в мой ум проник...»

Только ты в мой ум проник,
В замок, спрятанный за рвами.
Ты увидел тайный лик,
С зачарованными снами.

Что нам этот бледный мир?
Есть у нас с тобой примета.
В каждом схимнике – вампир.
В каждом дьяволе – комета.

Только ты поймешь меня.
Только ты! На что мне люди?
Мы от духа и огня,
Мы с тобою чудо в Чуде.

1 мая 1902

Виктор Гофман

Валерию Брюсову

Могучий, властный, величавый,
Еще не понятый мудрец,
Тебе в веках нетленной славы
Готов сверкающий венец!
В тебе не видит властелина
Взор легкомысленной толпы:
Что им бездонных дум пучина,
Мечты победные тропы?
Пусть будет так, пускай донине
Твой вдохновляющий призыв —
Глас вопиющего в пустыне.
О, верь! О, верь! Ты будешь жив!
Напевных слов твоих могучесть
Прожжет упорные сердца...
О, обольстительная участь!
О, блеск, о, слава без конца!
Твои предчувствия и думы
Постигнув, в сердце я таю,
И пред тобой, мудрец угрюмый,
Склоняю голову свою!

А.Л. Миропольский

Великому брату

Учитель! Жрец предания седого,
Вновь письма твои меня живят.
Твой взор меня ласкает снова,
И узнаю я свой магический наряд.
Мы в строгой комнате, мы в строгом мраке,
Не слышен город за цветным стеклом.
Круг сомкнут, выставлены знаки...
И в круге мы с тобой вдвоем!
Жезлом моя рука к земле гнетется,
Но ты хранишь бессилие мое...
Чу! всадник огненный во весь опор несется,
Нам в сердце устремив копье.
Чу! тысячи встают бесформенных, безликих,
И малых, сильных множеством своим...
Но мы пройдем сквозь сонм до тайн великих,
И дикий мир развеется, как дым.
Да, я стою с тобою рядом,
Такой же древний, как и ты.
И я горжусь магическим нарядом:
Мы одиноки и чисты!

Константин Бальмонт

Валерию

Тебе, единственный мой брат,
С которым демоны и феи
Во мгле прозрачной говорят, —
Тебе, в чьих мыслях вьются змеи
И возникает Красота
Недвижным очерком камен, —
Тебе, чьи гордые уста
Слагают царственные строки,
Где сталь и жесткие цвета, —
Тебе воздушные намеки
На то, что в замысле моем.
Смотри: хоть мы с тобой далеки, —
С тобою вечно мы вдвоем.

Январь 1903

Москва

Андрей Белый

Маг

В.Я. Брюсову

Я в свисте временных потоков,
мой черный плащ мятежно рвущих.
Зову людей, зову пророков,
о тайне неба вопиющих.

Иду вперед я быстрым шагом.
И вот – утес, и вы стоите
в венце из звезд упорным магом,
с улыбкой вещью глядите.

У ног веков нестройный рокот,
катясь, бунтует в вечном сне.
И голос ваш – орлиный клекот —
растет в холодной вышине.

В венце огня над царством скуки,
над временем вознесены —
застывший маг, сложивший руки,
пророк безвременной весны.

1903

Александр Койранский

В. Брюсов

В немую даль веков пытливо ты проник,
Прислушался к их звукам отзвучавшим
И тайный разговор расслышал и постиг.

Ты очертанья дал теням, едва мелькавшим,
Ты начертил свой круг и встал в нем, вещий маг!
Ты подал дивный знак, – и нет конца восставшим.

В сухих штрихах гравюр, в шуршании бумаг,
Ты уловил, что в них необычайно.
Ты разгадал их смысл, – и ожил каждый знак.

Ты явным сделал то, что прежде было тайно,
И в глубине увидел ряд глубин.
Так быть должно, так было не случайно.

<1903>

Зинаида Гиппиус

«Валерий, Валерий, Валерий, Валерий!...»

Валерий, Валерий, Валерий, Валерий!
Учитель, служитель священных преддверий!
Тебе поклонились, восторженно-чисты,
Купчихи, студенты, жидаы, гимназисты...
И, верности чуждый – и чуждый закона,
Ты Грифа ласкаешь, любя Скорпиона.
Но всех покоряя – ты вечно покорен,
То красен – то зелен, то розов – то черен...
Ты соткан из сладких, как сны, недоверий,
Валерий, Валерий, Валерий, Валерий!

Валерий, Валерий, Валерий, Валерий!
Тебя воспевают и гады и звери.
Ты дерзко-смирнен – и томно-преступен,
Ты явно-желанен – и тайно-доступен.
Измена и верность – все мгла суеверий!
Тебе – открываются сразу все двери,
И сразу проникнуть умеешь во все ты,
О маг, о владыка, зверями воспетый,
О жрец дерзновенный московских мистерий,
Валерий, Валерий, Валерий, Валерий!

Зинаида Гиппиус

Сообщники

В. Брюсову

Ты думаешь, Голгофа миновала,
При Понтии Пилате пробил час,
И жизнь уже с тех пор не повторяла
Того, что быть могло, – единый раз?

Иль ты забыл? Недавно мы с тобою
По площади бежали второпях,
К судилищу, где двое пред толпою
Стояли на высоких ступенях.

И спрашивал один, и сомневался,
Другой молчал, как и в былые дни.
Ты все вперед, к ступеням порывался...
Кричали мы: распни Его, распни!

Шел в гору Он – ты помнишь? – без сандалий...
И ждал Его народ из ближних мест.
С Молчавшего и там одежды сняли
И на веревках подняли на крест.

Ты, помню, был на лестнице, направо...
К ладони узкой я приставил гвоздь.
Ты стукнул молотком по шляпке ржавой,
И вникло острие, не тронув кость.

Мы о хитоне спорили с тобою,
В сторонке сидя, у костра, вдвоем...
Не на тебя ль попала кровь с водою,
Когда ударил я Его копьем?

И не с тобою ли у двери гроба

Мы тело сторожили по ночам?
Вчера, и завтра, и до века, оба —
Мы повторяем казнь – Ему и нам.

<1903>

Константин Бальмонт

Валерию Брюсову

Да, быстро, тотчас я хочу
Сказать тебе одно:
Тебе я предан, как лучу,
Как предан тот навек мечу,
Кому быть сильным суждено.

Я силен был, пока любил
Тебя, мой лучший сон.
К тебе остыв, я жизнь забыл,
Себя своей рукой убил,
Но снова я в мечту влюблен.

Я позабыл, что я солдат,
Я бросил острый меч.
Но твой холодный гневный взгляд
Меня к себе вернул назад,
Для жизни вместе – не для встреч.

И я люблю, и я живу,
Навек я снова – я.
С тобой все пути я порву,
Со смехом в пасть взгляну я льву, —
О, свет, о, счастье лезвия!

Октябрь 1903

Константин Бальмонт

Моему единственному брату Валерию Брюсову

Кто верит в свое вдохновение,
Тот должен любить лишь себя.
Я в том виноват, что мгновение
Разбил, на секунды дробя.
И в этих секундах томительных,
Как между незримых вещей,
Я – в нитях, я в цепкостях длительных,
И больше не свой, хоть ничей.
Но вот я устал от ничтожества,
Порвал паутину свою.
И больше не будет убожества,
Я твой, я с тобой, я пою.

Октябрь 1903

Максимилиан Волошин

...Когда время останавливается

По ночам, когда в тумане
звезды в небе время ткут,
я ловлю разрывы ткани
в вечном кружеве минут...
Я ловлю в мгновенья эти,
Как свегаются покров
со всего, что в формах, цвете,
со всего, что в звуке слов.
Да! я помню мир иной
Полустертый... непохожий...
В вашей жизни – я прохожий,
близкий всем, всему чужой.
Ряд случайных сочетаний
мировых путей и сил
в этот мир замкнутых граней
влил меня и воплотил.
Как ядро прикован к телу
шар земной. Свершая путь,
вниз на звезды заглянуть
я решаюсь лишь несмело.
Мир отрывочен и пуст...
Необычно мне сознание
знать весь мир как сочетанье
лишь *пяти отдельных чувств*.
Что одни зовут звериным...
что одни зовут людским...
Мне, который был *единым*,
стать отдельным и мужским!
Вечность с жгучей пустотою
неразгаданных чудес
скрыта близкой синевою
примирающих небес...
Мне так радостно и ново

все обычное для вас...
Я люблю обманность слова
и прозрачность ваших глаз;
ваши детские понятия
смерти, зла, любви, грехов —
мир души, одетый в платье
из священных, лживых слов:
гармонично и поблекло
в них мерцает мир вещей,
как узорчатые стекла
в мгле готических церквей.
В вечных поисках *истоков*
я люблю в себе следить
жутких мыслей и пороков
нас связующую нить. —

Когда ж уйду я в вечность снова,
и мне раскроется она,
так ослепительно ясна,
так беспощадна, так сурова...
И звездным ужасом полна!

<1 ноября> 1903

Коктебель

Борис Садовской

Валерию Брюсову
(По прочтении «*Urbi et orbi*»)

Прервав сны вещего безумья,
Ты вспомнил, наконец, о нас
И кинул миру плод раздумья,
Как отчеканенный алмаз.

Похитив радужные краски
У неба, моря и лучей,
Ты нам живописуешь сказки
Таинственных грядущих дней.

Зовешь нас к радостной свободе,
К блаженству вечному души,
Провидя тайны в звездном ходе
И в сумраке лесной глуши.

В решении пламенных вопросов
Любви, рождения, конца
В тебе задумчивый философ
Сменяет вещего певца.

Все, что сказать мы не умели,
Ты, одинокий человек,
Обрел в заоблачном пределе
И воплотил в стихе навек.

Не в силах мысль, огнем объята,
Восторгов удержать своих... —
Прими от младшего собрата
Из сердца вырвавшийся стих!

Тебе привет мой, скорбный гений,
Глашатай нового пути:

В мир одиноких вдохновений
Ты пособил мне перейти.

Я жду, молясь и пламенея,
Душою я разорвался:
Я пред собой увидел Фею,
К которой отроком рвался...

За мной – обманы, жизнь пустая,
Следы унылых, тяжких лет,
А впереди – сиянье Рая
И данный Истине обет.

И твердо верю я отныне,
Что светлой молодости сны
Я унесу с собой в пустыню,
Как ликование весны.

О, если б мог я бесконечно
Отдаться Тайне всей душой
И слиться с Истиной предвечной,
Как звезды робкие с зарей!..

8 ноября 1903
Москва

Константин Бальмонт

Валерию Брюсову

Как разлюбить Ассаргадона?
Пусть он, порой, людского стона
Не слышит, опьянен собой.
Что стоит гений! В нем быть вечность,
Замрет в нем, вспыхнув, быстротечность,
Но быстрый миг поймет любой, —
А кто поймет миров бездонность,
Их длительность, их непреклонность,
Их бури в бездне голубой?
Один лишь он, кто – вне закона,
Кто мерит дали небосклона
Своей душою, лишь собой!

*Декабрь 1903
Москва*

Вячеслав Иванов

Valerio Vati^[1]

Здесь вал, мутясь, непокоривой
У ног мятежится тоской,
А там на мыс – уж белогривый
Высоко прянул конь морской.

Тебе несу подснежник ранний
Я с воскресающих полей,
А ты мне: «Милый, чу, в тумане —
Перекликанье журавлей».

<1903—1904>

Вячеслав Иванов

Ему же

Твой правый стих, твой стих победный,
Как неуклонный наш язык,
Облекся наготою медной,
Незыблем, как латинский язык!

В нем слышу клетк орлов на кручах
И ночи шелестный Аверн,
И зов мятежный мачт скрипучих,
И молвь Субурр, и хрип таверн.

Взлетит и прянет зверь крылатый,
Как оный идол медяной
Пред венецианскою палатой —
Лик благовестия земной.

Твой зорек стих, как око рыси,
И сам ты – духа страж, Линкей,
Елену уследивший с выси,
Мир расточающий пред ней.

Ты – мышц восторг и вызов буйный,
Языкова прозябший хмель.
Своей отравы огнеструйной
Ты сам не разгадал досель.

Твоя тоска, твое взыванье —
Свист тирса, – тирсоносца ж нет...
Тебе в Иакхе целованье
И в Дионисе мой привет.

Вячеслав Иванов

«О сильный Лиры! Ты, чьи сны необычайны...»

О сильный Лиры! Ты, чьи сны необычайны,
Верь – одарил тебя не светлый Аполлон,
Но зодчий Лиры сам, Гермес – с ключами тайны,
Струнами властных чар, чьим звоном Амфион
Плоть глыб одушевлял и содвигались живы
Основы градные седмизатворной Фивы.

19 апреля 1904

Вячеслав Иванов

Mi fur le serpi amiche^[2]

Dante, Inf., XXV 4

Валерию Брюсову

Уж я топчу верховный снег
Алмазной, девственной пустыни
Под синью траурной святыни:
Ты, в знойной мгле, где дух полыни, —
Сбираешь яды горьких нег.

В бесплотный облак и в эфир
Глубокий мир внизу истаял...
А ты – себя еще не чаял,
И вещей пыткой не изваял
Свой окончательный кумир.

Как День, ты новой мукой молод;
Как Ночь, стара моя печаль...
И я изведаль горна голод,
И на меня свергался молото,
Пред тем как в отрешенный холод
Крестилась дышащая сталь.

И я был раб в узлах змеи,
И в корчах звал клеймо укуса;
Но огонь последнего искусства
Заклял, и солнцем Эммауса
Озолотились дни мои.

Дуга страдальной Красоты
Тебя ведет чрез преступленье.
Еще, еще преодоление,
Еще смертельное томленье, —
И вот – из бездн восходишь ты!

27 ноября 1904

Андрей Белый

Старинному врагу

В.Б.

Ты над ущельем, демон горный,
Взмахнул крылом и застил свет.
И в туче черной, враг упорный,
Стоял. Я знал: пощады нет —

И длань воздел – и облак белый
В лазурь меня – в лазурь унес...
Опять в эфирах, вольный, смелый,
Омытый ласковостью рос,

Ты несся ввысь со мною рядом,
Подобный дикому орлу.
Но, опрокинут тяжким градом,
Ты пал, бессильный, на скалу.

Ты пылью встал. Но пыль, но копоть
Спалит огонь, рассеет гром.
Нет, не взлетишь: бесцельно хлопать
Своим растрепанным крылом.

Моя броня горит пожаром.
Копье мне – молнья. Солнце – щит.
Не приближайся: в гневе яром
Тебя гроза испепелит.

9 декабря 1904

Вячеслав Иванов

Валерию Брюсову

О Тайн ключарь, проникший руны,
Где звезд предначертан устав, —
С моими властно сочетав
Свои магические струны,
Ты стал мне друг и брат. Судьбе
Завет глухой я завещаю,
И музы темной посвящаю
Прозренья – зрящему Тебе.

<1905>

Вячеслав Иванов

«Венок»

Волшебный бледный Urbi пел et Orbi:
То – лев крылатый, ангел венецианский,
Пел медный гимн. А ныне флорентийской
Прозрачнозвонной внемлю я теорбе.

Певец победный Urbi пел et Orbi:
То – пела медь трубы capitoлийской...
Чу, барбитон ответно эолийский
Мне о Патрокле плачет, об Эвфорбе.

Из златодонных чаш заложник скорби
Лил черный яд. А ныне черплет чары
Медвяных солнц кристаллом ясногранным.

Садился гордый на треножник скорби
В литом венце... Но царственной тиары
Венок заветный на челе избранном.

3 января 1906

Иннокентий Анненский

Валерию Брюсову

То шелестящему листвою,
То громозвучному на струнах,
Я фимиам несу и свой
Поэту чар янтарно-лунных.
Никто

17 февраля 1906

Константин Бальмонт

«Где же ты, святыней клявшийся...»

Где же ты, святыней клявшийся,
Быть красивым обещавшийся,
Быть поэтом до конца,
И меня выражение,
Не гасить восторг внушения
В изменениях лица?

Где же ты? Душа измучилась,
Враждовать она соскучилась,
Нет цветов во мгле вражды.
Отзовись в минуту трудную,
Сказку вспомни, изумрудную,
Нашей, двойственной Звезды.

19 марта 1906

Александр Курсинский

Пророк

Валерию Брюсову

Творя господние веленья,
Тревожа глубь людских сердец,
Ты все блаженство отреченья
Постиг, властитель и мудрец.

Вольна, светла твоя дорога
С дарами неба для земли,
Твой взор уверенно и строго
Глядит на скрытое вдали.

И видя Правду неземную,
Что мнится людям лишь как сон, —
Проходишь Ты страну больную,
От казни Божьей огражден.

<1906>

Александр Курсинский

Валерию Яковлевичу Брюсову

Тебя встречая в дни расцвета,
Когда так верилось в мечты,
Тебя любил я как поэта
И песнь как голос Красоты.

Теперь настали дни тревоги, —
Но, опрокинутый в борьбе,
Не оскверню конца дороги
Изменой песне и Тебе.

*14 июня 1906
Москва*

Сергей Соловьев

Валерию Брюсову

1.

Ты, Брюсов, не был бы унижен
Среди поэзии царей,
И к ямбу Пушкина приближен
Твой новоявленный хорей.

Я женской, медленной цезуре
Послушным был рабом, и вот
Твоих созвучий яркой бури
Меня схватил водоворот.

То вещим магом, то ученым,
Ты встал: безжалостно греметь.
В твоём стихе озолоченном
Звенит Вергилиева медь.

Твой стих, что конь, в кипящей злобе
Уздою сдержанный едва,
И, как удары мелкой дроби,
Твои короткие слова.

Чредой подъемов и падений
Твой стих бежит, как вал к реке.
Ты замыкаешь вихрь видений
В одной стремительной строке.

Ты тлеющего манускрипта
Разжечь угасший дух сумел.
Поешь ты о богах Египта,
Как будто их когда-то зрел.

Равно ко всем явлениям чуток,
Передаешь в напевах ты
И ласки грешных проституток,
И чистых мучениц мечты.

Всегда иной, всегда притворный,
Ты созерцаешь снег вершин,
Вдыхая чистый воздух горный,
Сам – в тине илистых низин.

<1905>

2.

Ты, Валерий, Пушкина лиру поднял.
Долго в прахе звонкая лира тлела.
В пальцах ловких вновь рассыпает лира
Сладкие звуки.

Дал ты метко в речи созвучной образ
В шлеме медном воина Рима. Равен
Стих искусный медному звону речи
Римских поэтов.

Ты Эллады нежные понял песни.
Ты рисуешь девы стыдливой ласки.
Песни льются Аттики синим небом,
Медом Гимета.

Властно, крепко стих с меднозвонкой рифмой
Ты чеканишь; образы – яркие; краски —
Сочны, свежи; цельюю жизнью строфы
Полные дышат.

Вечно, вечно памятны будут, Брюсов,
Всем поэтам сон Ариадны нежной,
В мире мертвых стоны Орфея; вечны

Вопли Медеи!

<1906>

3.
В ответ на «Озимья»

Прах, вспоенный влагой снега,
Режет гения соха.
Звука Пушкинского нега!
Пушкин – альфа, мы – омега
В книге русского стиха.

<1905>

4.
В ответ на «Stephanos»

Нет, наших песен не иссякла
Когда-то мощная струя:
В тебе поэзии Геракла
Встречают русские края.

Эллада, вновь из праха вырой
Кумиров мертвых телеса;
Воскрес Орфей с волшебной лирой,
Чтоб двигать камни и леса!

Но жребий царственный поэта
Язвям тернием остер:
Тебя зовет вторая Эта
На очистительный костер.

Свиваясь, сохнут листья лавра
В пожаре яростных страстей,
И ядовитый плащ кентавра

Сжигает тело до костей.

Но – полубог – ты прынул в небо.
И нектар, сладкий и густой,
Тебе улыбчивая Геба
Подносит в чаше золотой.

<1906>

В. Григорьев

Поэт

В.Я. Брюсову

Твои глаза – тоска агата...
Твои мечты – безумный мир...
В часы безмолвные заката
Горит в руках твоих потир.
И каплют строки золотые,
И расцветают, и цветут,
И ожерелия святые
Твои жрецы из них плетут.
Горят уста – гвоздики алость...
И облеченный в омофор,
Ты перельешь в стихи усталость,
Ты перельешь в них каждый взор.
Как пред Омфалой, нежной, чистой,
Поник сраженный Геркулес, —
Так пред тобой, Поэт лучистый,
Лежит безгранный мир чудес.

<1906>

Александр Рославлев

Учителю

Валерию Брюсову

Учитель, в сердце откровенье
Стрелою огненной впилося,
И я, как ты, в оцепененье
Слежу в веках земную ось...

Ты вскрыл грозящие нам бездны,
Ты расшатал ее чеку,
И вот гласит твой стих железный
Твою суровую тоску.

Уйдя от гулкового смятенья,
Слепых чудовищ – городов,
Ты в своевольном заточеньи
Смертельно алчешь вечных снов.

В ночной тиши, мудрец упорный,
Вкушаешь яды вещей книг,
В мечтах: то зверь, то дух нагорный,
То Бога солнечный двойник.

На миг луч сладостной надежды
Пустыню мира озарит,
И вновь устало клонишь вежды,
Храня спокойный, строгий вид.

Моя душа встречалась где-то
С твоей великою душой.
Тропой тернистою поэта
Иду, учитель, за тобой.

<1907>

Разуверение во всем!

Валерий Брюсов

Земле и Небу не простила
Твоя огромная душа,
Отвергла все, за все отмстила,
Грозой безумия дыша.

Она чудовищной обидой
Ответила на суд слепцов
И встала черной пирамидой
Превыше храмов и дворцов.

Вкусив смертельного напитка,
Змеей безумья оплетен,
Ты не кричишь, сведенный пыткой,
Как не кричит Лаокоон.

Упорством всемогущей воли
Смирив мистическую дрожь,
Гигант, изваянный из боли,
Ты башней замкнутой встаешь.

С улыбкою ты носишь путы
И дремлешь в темноте тюрьмы.
Как Гулливера лилипуты,
Тебя во сне связали мы.

Над горькой бездной все тревожней
Твой дух, качаем вещим сном,
И безнадежней, безнадежней
«Разуверение во всем».

Твой путь, созвездья затмевая,
Влекла огромная звезда,
Но у дверей заветных Рая
И ты услышал «Никогда!».

Ты молвил: «К небу нет возврата!
Земле молиться не хочу!».
И в душном капище разврата
Затешил красную свечу.

И все ж, как раб, влечешься к Раю,
Упав на этом берегу,
И ты не скажешь слов: «Не знаю»,
И не помыслишь: «Не могу».

Но там, во мгле души суровой,
Где день, как ночь, угрюм и строг,
Я разглядел цветок лиловый,
Полураскрывшийся цветок...

Да, ты любил людей когда-то,
Как ныне любишь лишь слова,
Но, претворяя их в стигматы,
Твоя душа всегда жива.

Прими ж восторг моих приветов
Ты, чар не знавший чародей,
Счастливейший среди поэтов,
Несчастнейший среди людей.

Михаил Кузмин

Акростих

В.Я. Брюсову

Валы стремят свой яростный прибой,
А скалы все стоят неколебимо.
Летит орел, прицелов жалких мимо,
Едва ли кто ему прикажет: «Стой!»

Разящий меч готов на грозный бой,
И зов трубы звучит неутомимо.
Ютятся в тени, шипит непримиримо
Бессильный хор врагов, презрен тобой.

Ретивый конь взрывает прах копытом.
Юродствуй, раб, позоря Букефала!
Следи, казнясь, за подвигом открытым!

О лет царя! как яро прозвучала
В годах, веках труба немолчной славы!
У ног враги – безгласны и безглавы.

1908

С. Яншин

Spiritus

Посв. Валерию Брюсову

Ты – оковами звенящий,
Изнемогший дух,
Пролетаешь ты, палящий,
Зноен, злобен, сух.
Кто надел тебе оковы,
В башню заточил?
И, задвинув все засовы,
Смертью залучил?
Под тобою властен синий
Отблеск и рассвет,
И в твоей душе-пустыне
Слышно только: «Нет!».
Звон, грозящий над тобою,
Злобен, дик и прям...
Кто померялся с судьбою,
Не отдавшись сам?
Лишь одна печаль рассвета
Благовест взманит...
И на зов твой нет ответа, —
Небо не роднит!

<1908>

Андрей Белый

В. Брюсову

Поэт

Ты одиночек. И правишь бег
Лишь ты один – могуч и молод —
В косматый дым, в атласный снег
Приять вершин священный холод.

В горах натянутый ручей
Своей струею серебристой
Поет – тебе: и ты – ничей —
На нас глядишь из тучи мгlistой.

Орел вознесся в звездный день
И там парит, оцепенелый.
Твоя распластанная тень
Сечет ледник зеркально-белый.

Закинутый самой судьбой
Над искристым и льдистым пиком,
Ты солнце на старинный бой
Зовешь протяжным, вольным криком.

Полудень: стой – не оборвись,
Когда слетит туманов лопасть,
Когда обрывистая высь
Разверзнет под тобою пропасть.

Но в море золотого льда
Падет бесследно солнце злое.
Промчатся быстрые года
И канут в небо голубое.

1904
Москва

Созидатель

Грустен взор. Сюртук застегнут.
Сух, серьезен, строен, прям —

Ты над грудой книг изогнут,
Труд несешь грядущим дням.

Вот бежишь: легка походка;
Вертишь трость – готов напасть.

Пляшет черная борода,
В острых взорах власть и страсть.

Пламень уст – багряных маков —
Оттеняет бледность щек.

Неизменен, одинаков,
Режешь времени поток.

Взор опустишь, руки сложишь...
В мыслях – молнийный излом.

Замолчишь и изнеможешь
Пред невеждой, пред глупцом.

Нет, не мысли, – иглы молний
Возжигает в мозг врага.

Стройной рифмой преисполни
Вихрей пьяные рога,

Потрясая строгим тоном
Звезды строящий эфир...

Где-то там... за небосклоном
Засверкает новый мир; —

Там за гранью небосклона —
Небо, небо наших душ:

Ты его в земное лоно
Рифмой пламенной обрушь.

Где-то новую туманность
Нам откроет астроном: —

Мира бренного обманность —
Только мысль о прожитом.

В строфах – рифмы, в рифмах – мысли
Созидают новый свет...

Над душой твоей нависли
Новые миры, поэт.

Все лишь символ... Кто ты? Где ты?
Мир – Россия – Петербург —

Солнце – дальние планеты...
Кто ты? Где ты, демиург?

Ты над книгою изогнут,
Бледный оборотень, дух...

Грустен взор. Сюртук застегнут.
Горд, серьезен, строен, сух.

Март 1904
Москва

Упорный маг, постигший числа
И звезд магический узор.
Ты – вот: над взором тьма нависла...
Тяжелый, обожженный взор.

Бегут года. Летят: планеты,
Гонимые пустой волной, —
Пространства, времена... Во сне ты
Повис над бездной ледяной.

Безводны дали. Воздух пылен.
Но в звезд разметанный алмаз
С тобой вперил твой верный филин
Огонь жестоких, желтых глаз.

Ты помнишь: над метою звездной
Из хаоса клонился ты
И над стенающею бездной
Стоял в вуалях темноты.

Читал за жизненным порогом
Ты судьбы мира наизусть...
В изгибе уст безумно строгом
Запечатлелась злая грусть.

Виси, повешенный извечно,
Над темной пляской мировой, —
Одетый в мира хаос млечный,
Как в некий саван гробовой.

Ты шел путем не примиренья —
Люциферическим путем.
Рассейся, бледное виденье,
В круговороте бредовом!

Ты знаешь: мир, судеб развязка,
Теченье быстрое годин —
Лишь снов твоих пустая пляска;
Но в мире – ты, и ты – один.

Все озаривший, не согретый,
Возникнувший в своем же сне...
Текут года, летят планеты
В твоей несчастной глубине.

1904, 1908

Москва

Встреча

Туманы, пропасти и гроты...
Как в воздух, поднимаюсь я
В непобедимые высоты,
Что надо мной и вокруг меня.

Как в воздухе, в луче эфирном
Вознесся белоснежный пик,
И от него хрустальным фирном
Слетает голубой ледник...

У ледяного края бездны
Провеял облик ледяной:
Мгла дымная передо мной...
Ударился о жезл железный
Мой посох бедный, костяной:

И кто-то темный из провала
Выходит, пересекши путь,
И острое вонзилось жало
В мою взволнованную грудь...

Раскатам мстительного смеха,
Раскатам бури снеговой
Ответствует громами эхо...
И катится над головой —

Тяжеловесная лавина,

Но громовой, летящий ком
Оскаленным своим жерлом
Съедает мертвая стремнина.

Глухие стоны урагана
Упали в пасти пропастей,
Скользнули на груди моей,
Свиваясь, пропасти тумана,

Над осветленной крутизной
Истаяв ясными слезами...
И кто же! – брат передо мной
С обезумевшими очами —
Склонился, и железный свой
Он поднял жезл над головой...

Так это – ты?.. Но изумленный,
Безгневный, улыбнулся лик;
И жезл упал окровавленный
На звонкий, голубой ледник.

«Высоких искусов науку
И марева пустынных скал
Мы поняли», – ты мне сказал:
Братоубийственную руку
Я радостно к груди прижал...

Пусть шел ты от одной долины,
Я – от другой (мой путь иной): —
Над этой вечной крутизной
На посох бедный, костяной
Ты обменял свой жезл змеиный.

Нам с высей не идти назад:
Мы смотрим на одни вершины,
Мы смотрим на один закат,
На неба голубые степи; —

И, как безгрешные венцы,

Там ледяных великолепий
Блистают чистые зубцы.

Поэт и брат! В заре порфирной
Теперь идем – скорей, туда —
В зеркальные чертоги льда
Хрустального дорогой фирна.

1909
Бобровка

Борис Садовской

Валерию Брюсову

(После «Всех напевов»)

Орел! Над пасмурным болотом,
Где с шипом гады в клуб свились,
Вознесся ты с широким взлетом
В свою заоблачную высь.

Упорно гордые усилья
Прорвали вихрь смятенных бурь,
И вот – свободный, ты в лазурь
Простер задумчивые крылья.

Оттуда, с тверди голубой,
Ты сыплешь свой победный клекот,
И дальней бури стихнул рокот,
Бессильно ропщут под тобой

Пучины хаоса глухие,
И, осенив тебя венцом,
Склоняются цари-стихии
Пред заклинателем-певцом.

5 июня 1909

Юрий Верховский

Валерию Брюсову

На книгу «Все напевы»

Познавший грез, веков, народов
И перепутья и пути,
Испытанный среди рапсодов,
Свою нам песню возврати.

Еще не все, не все напевы
Родная слышала земля,
Что слали яростные девы
Во след пришельца-корабля —

Где к мачте трепетной привязан,
Ты расширял бесстрашный слух,
Где в тайновидцы был помазан
Пытливый и крылатый дух.

<1909>

Владимир Руслов

Послание Валерию Брюсову

Сонет-акростих

Ваятель четких слов, Твой вдохновенный взор
Афина строгая над вихрем жизни правит;
Людская злоба стих Твой светлый не отравит,
Ему грядущего не страшен приговор.

Равно ты нам поешь и наших дней позор,
И Рима буйный хмель. Тебя ярмом не давит
Юродств вседневных сеть, и стих Твой так же славит
Безумье городов, как и полей простор.

Рассвет иных веков провидел ты во тьме
Юдоли наших дней; зажженные судьбою
Сверкают и поют в Твоем, поэт, уме

Огни иных миров. Вершится властный Рок —
Века стремят свой лет над бездной голубою,
Увенчаны венком Твоих стихов, Пророк!

Лето 1909

Иосиф Симановский

В. Брюсову

Славный учитель и муж, многоопытный
в тайном труде песнопений,
Песням твоим я, склонясь благоговейно,
внимал, —
Книги твоей переплет – есть отныне он
мне как ворота:
Пусть раскрывается вновь – вновь
с Полигимнией я.

<1910>

Александр Булдеев

Астролог (отрывок)

*Посвящается Валерию Брюсову
с чувством глубокого уважения*

На высокой башне белой
Жил когда-то астролог;
В вечных думах поседелый,
Он ходить уже не мог.
В мире древнем, позабытом
Был он братом короля,
Слыл он узником укрытым...
(Слухом полнилась земля).
В те поры враждой звериной
Напитались все сердца,
И не прятал ни единый
От сражения лица.
Орд бродячих злые станы
Наводили страх окрест;
И зловец был день багряный
Над руинами тех мест.
Воли дикие обряды
Освящались на огне.
Разъяренные отряды
Смерчем шли по всей стране.
Но угрюмый старец странный
Был далек от всяких бед,
Погруженный в мир туманный
Сфер небес и их планет.
Не земной и не небесный,
Знал он грешную мечту
И лелеял мир прелестный —
Чары жен и красоту.
И к нему-то ночью каждой

Жены, грешные во всем,
Разгораясь страсти жаждой,
Шли, закутавшись плащом.
Так бежали дни земные.
Полдень бил... И вот закат
Бросил пятна золотые
На глубокий мудрый взгляд.
Астролог, в себе замкнутый,
Жен давно уж не ласкал,
И в ночи им ни минуты
Ни одной не посвящал.
В тайны вечно погруженный,
Проводил он круглый год
На площадке укрепленной
В крыше замка. Вечный ход
Непреклонным видел взором
Звезд, туманностей, планет
И назад глядел с укором
На безумства прошлых лет.
Но однажды в час уныний
Месяц, серебря струи,
Упадая в сумрак синий,
Притупил рога свои.
В этот миг при скрипе двери
И с поклоном евнуха
Поступью волшебной пери
Тень скользнула. И греха
Уж остынувшего в жилах
Закипела бурно власть.
Наслаждений, сердцу милых,
Вся тоска встает и страсть.
Забывая о недуге,
Астролог поднялся, к ней
Он идет, и строй упругий
Тела ожил в нем сильней.
Но неведомая дева,
Озаренная луной,
В звуках тающих напева
Ткань отбросила рукой:

«Только в небе месяц встанет,
Проходя воздушный путь,
Он лучи ко мне протянет,
Чутких струн коснется чуть.
И разбуженные звуки
Из груди моей текут,
Вдохновляемые руки
Струны лирные влекут.
Старец! Музам ты любезный,
Извещен да будешь мной:
В век суровый, век железный
Ведал век ты золотой.
И тебе я в миг последний
Этим небом послана
Увенчать святыя бредни,
Сладострастная жена».
И в тоске минутной, краткой
Астролог седой поник.
Подойдя походкой шаткой,
К ней, испуганной, приник.
И на знойном, страстном ложе,
Распаленный наготой,
С юношей безумным схожий,
Пил он жизни пыл святой.
И былого все мгновенья
Пережил он в эту ночь,
В пьяном буйстве наслажденья
Приготовясь изнемочь...

<15 февраля 1910>

Константин Бальмонт

Два сонета Валерию Брюсову в ответ на его сонет в «северных цветах» 1911 года

1.

Мы встретились на утре наших дней.
Я в Мае был, а ты еще в Апреле.
Не знали мы тогда о скучном деле,
Бродя среди блуждающих огней.

Там, в синем утре, зов. Он все ясней.
В нем сон и звон пастушеской свирели,
В нем всплеск и блеск, в нем вскрик: «О, неужели,
Лишь тени мы на празднике теней?»

Не может быть. Два маяка в пространстве,
Мы в мире звуков разных две струны,
В двумирности – два солнца, две луны.

И там, где ты – в серебряном убранстве,
Полночным солнцем рдяность я творю, —
Где солнце ты, луною я горю.

2.

Но где же, солнце, ты? Уж я не знаю.
Затем, что солнце ежели с луной,
Соединясь, глядит на свет дневной,
Не одному они сияют Раю.

Не к одному они уходят краю,
Когда идут, отдельно, в мир двойной.
И Осень перекликнется с Весной,

Но Август не прильнет сердечно к Маю.

Любили мы друг друга без конца,
Друг другу были Месяцем и Солнцем.
Перевязавши тонким волоконцем,

Златые два узорные кольца,
Их бросили – венчанье дружбы – в Море.
Быть может, там – на дне – сойдемся вскоре?

27 августа 1911

Александр Блок

Валерию Брюсову (При получении «Зеркала теней»)

И вновь, и вновь твой дух таинственный
В глухой ночи, в ночи пустой
Велит к твоей мечте единственной
Прильнуть и пить напиток твой.

Вновь причастись души неистовой,
И яд, и боль, и сладость пей,
И тихо книгу перелистывай,
Впиваясь в зеркало теней...

Пусть, несказанной мукой мучая,
Здесь бьется страсть, змеится грусть,
Восторженная буря случая
Сулит конец, убийство – пусть!

Что жизнь пытала, жгла, коверкала,
Здесь стало легкою мечтой,
И поле траурного зеркала
Прозрачной стынет красотой...

А красотой без слов повелено:
«Гори, гори. Живи, живи.
Пускай крыло души прострелено —
Кровь обогрит алтарь любви».

20 марта 1912

Дмитрий Крючков

Послание Валерию Брюсову

Была пора – бездарный мим,
И я кривлялся на подмостках,
В бубенчиках, нашивках, блестках,
Тоскою тяжкою томим...
Сверкала рампа на подмостках,
И я кривлялся – жалкий мим.
А ныне кто-то тяжело дышит
И водит косою рукой,
И песни полные тоской
Он в списки горестные пишет,
И душу взятую Судьбой,
Как трость усохшую, колышет.
И Он сказал: «Есть саркофаг
В стране забвенья и неверий,
Вдали от злб и лицемерий —
Вкруг алтаря – пахучий мрак;
Там властелин – извечный Маг,
Мой сын возлюбленный – Валерий!
Иди!». Покорствуя веленью,
Несу стихов иероглиф.
О Маг, ответствуй преклоненью!
Еще я отрок – юный скиф,
Ладье грозит подводный риф,
Я к твоему стремлюсь паренью,
Седатый, царствующий гриф!

Март 1912

С. Владимирова

Валерию Брюсову

<1>

*Призыв бросаю, – ты ответствуй.
Иду, – ты будь готов к борьбе.*

В. Брюсов

Валерий милый! сердца строки
Струятся стройною волной.
Мне чужды горькие пороки,
Когда душою ты со мной.
Мои страдания глубоки
Средь хаотичности земной.

Ищу я нежной, знойной ласки,
Объятий бурно-огневых,
Весенней животворной сказки,
Речей правдивых и живых.
Возможно ль жить в смертельной пляске
Всех, всех событий мировых?

<2>

*Идут года. Но с прежней страстью,
Как мальчик, я дышать готов —
Любви неотвратимой властью
И властью огненной стихов.*

В. Брюсов

Сны переменные порывны,
И правда их – смешная явь.

Мой друг, мои слова призывны —
Ты власть своих стихов расплавь.
И пусть теперь все дни надрывны —
Свою ладью ко мне направь.

Бывал ты, с нежностью, обманут
И, с лаской, дружбой оскорблен, —
Но строфы славить не устанут
Любви и страсти сладкий сон.
Так пусть же боли в Лету канут —
Петь будем песни в унисон.

Известно мне: ты осупружен,
Но ты безумно одинок.
Тебе привет участия нужен,
Как тонкий ритм прелестных строк.
Тобой твой гений обнаружен.
Твой гений – всех красот пророк.

<3>

*На радости и на страданья
Живым стихом отвечу я.*

В.Брюсов

Ловец в пучине бытия
Стоцветных перлов ожиданья!
Моих желаний не тая,
Плачу мечты безумной дань я.
В невыразимом блеске дня
Мне чужды нотки состраданья,
Твой цельный дух к себе маня
Предначертанием свиданья.

Вдвоем, лелея сердца страсть,
Преобразим чернь первой ночи,

И наша сказочная власть
Покроет сладкой дремой очи.
Как хороша объятий пасть,
Когда безумие короче —
Хочу скорей на грудь припасть,
Иль что ни день душа жесточке.

Соблазны мысли, чары грез,
Весь блеск, весь шум, весь говор мира
Сольются в радостный гипноз
Тобой нежданного кумира.
При нежном трепете угроз
Спадет в атласных плеч порфира —
Пройдет тоска сердечных гроз
Под сенью райского эфира.

<4>

Я – твой демон, я – эриния
Неразлучная с тобой!
Что ни шаг – безумий линия
Предначертана судьбой.
На кудрях пушинки инея,
В сердце зной, Сахары зной.
Пред тобой предстала ныне я,
Чтоб опять ты был со мной.

Ты – в весельи вдохновения, —
Я шепчу начало строк.
Я с тобой во все мгновения,
Как томящий душу рок.
Что нам смерти дуновение?
Что нам гибели порог?
Пьем безумное забвение,
Тайну жизненных дорог.

– Ненавистная! Любимая!

Призрак! Дьявол! Божество! —
Жжет тебя неутолимая
Жажда тела моего.
Лишь собой руководимая,
Зная духа торжество,
Я, к тебе мечтой гонимая,
Жду ответа твоего.

<1912>

Игорь Северянин

Прощальная поэза

(Ответ Валерию Брюсову на его послание)

Я так устал от льстивой свиты
И от мучительных похвал...
Мне скучен королевский титул,
Которым Бог меня венчал.

Вокруг талантливые трусы
И обнаглевшая бездарь...
И только вы, Валерий Брюсов,
Как некий равный государь...

Не ученик и не учитель,
Над чернью властвовать устав,
Иду в природу, как в обитель,
Петь свой осмеянный устав...

И там, в глуши, в краю олонца,
Вне поощрений и обид,
Моя душа взойдет, как солнце,
Тому, кто мыслит и скорбит.

1912

Марина Цветаева

В.Я. Брюсову

Улыбнись в мое «окно»,
Иль к шутам меня причисли, —
Не изменишь, все равно!
«Острых чувств» и «нужных мыслей»
Мне от Бога не дано

Нужно петь, что все темно,
Что над миром сны нависли...
— Так теперь заведено, —
Этих чувств и этих мыслей
Мне от Бога не дано!

<1912>

Марина Цветаева

В.Я. Брюсову

Я забыла, что сердце в вас – только ночник,
Не звезда! Я забыла об этом!
Что поэзия ваша из книг
И из зависти – критика. Ранний старик,
Вы опять мне на миг
Показались великим поэтом...

1912

Амари

«Огненный ангел» Валерия Брюсова

Как полноводный Рейн, течет рассказ,
Но не как Рейн немецкий меж зеленых
Холмов, где виноград растет на склонах,
Где дух средневековья не угас.

Но даже память о былых баронах —
Разбойниках только пленяет глаз
В замшелых замках, где и речь влюбленных,
Наверно, тише льется в страстный час.

Не как швейцарский – горных вод бурун,
Но как голландский – мрачный, у низовья
От тучных пастбищ до бесплодных дюн.

Рассказ твой мужественно сдержан. Кровью
Окрашен он. Над ним, как злой колдун,
Застыл багровый диск средневековья.

<1912>

Я. Любяр

Ответ на стихотворение В. Брюсова «Грядущие гунны»

*На нас ордой опьянелой
Рухните с темных становий —
Оживить одряхлевшее тело
Волной пылающей крови.*

В. Брюсов

Варвары, варвары грянут!
Вскрикнул в надежде поэт,
Жить, уничтожив нас, станут,
Гимн будет снова запет!

Но осторожный ученый
Скажет поэту: ты рад?
Вечны движенья законы —
Варвары нас породят.

Снова измыслятся воли,
Кругом движенье бежит,
«Tangere circulos poli» —
Рок, как мудрец, говорит...

<1912>

Игорь Северянин

Валерию Брюсову *Сонет-ответ (Акростих)*

Великого приветствует великий,
Алея вдохновением. Блестит
Любовью стих. И солнечные блики
Елей весны ручьиисто золотит.

Ручьись, весна! Летит к тебе, летит
Июнь, твой принц, бессмертник неболикий!
Юлят цветы, его гоньбы улики,
Божит земля, и все на ней божит.

Рука моя тебе, собрат-титан!
Юнись душой, плескучий океан!
Самодержавный! мудрый! вечный гордо!

О близкий мне! мой окрылитель! ты —
Ваятель мой! И царство Красоты —
У нас в руках. Мне жизненно! мне бодро!

10 октября 1912

Вадим Шершеневич

Гост

Всемькакбудтонароликах
свалитьсялегконосейчас
мчатсяивеселоисколько
дамлорнируютотменнона
нашгербуукрашенликерами
имыдерзкиедушасьшипром
ищемюгиюляивовсемформу
мчасилоюоткрытоклиппер
знойнознаемчтовсеюноши
ивсепочтиговорюбезусые
утверждаяэточашкупунша
пьемсрадостьюзаБрюсова

<1913>

Дмитрий Абельдяев

«Поэт-сладкопевец, не зная меня...»

Поэт-сладкопевец, не зная меня,
Ты «тени» моей подал руку...
Красив был твой жест. Я узнал в нем тебя.
Он мне врачевал мою муку,
Он сбросил оковы с рыдающих дум...
Ваятель скульптурного слова!
В тебе я почувствовал элина ум,
И люб мне твой образ, и струн твоих ропщущих шум,
Пера возрожденный Канова!

<1913>

Владимир Эльснер

Валерию Брюсову

Ты, русской речи Всадник Медный,
Стоишь над нами вознесен,
Вперяя взоры в заповедный,
Еще не завершённый сон.

И что тебе хвала ли, зависть,
И новых Кассиев клинки;
Любовнику нетленной славы —
Столетия нашего венки.

<1913>

Сергей Бобров

Валерию Брюсову

Когда душою угнетенною
Владеет сон людских речей,
Какою песнью благовонною
Тебя приветить мне милей!

Но в зала прелести размерные
Ты появляешься – ничей
В неуследимые, неверные
Мельканья взоров и огней.

И остро резок лоб морщинистый,
Скулы безумный поворот: —
И ты уже над влагой тинистой,
Над зыбями запевших вод.

Сжимают четко руки тонкие
Здесь летопись судьбы твоей.
О, эти строки меднозвонкие,
Рыданья родины моей!

И – после тяготы томительной
И переменчивых сует —
Своею влагою целительной
Ты указуешь грани бед.

И голос предостерегающий,
Прельстительные вызвав сны,
Встает, как призрак быстротающий
Неизреченной тишины.

Надежда Львова

На Сайме

Сайма ласкает почти успокоенно...

Сурово нас встретила старая Сайма.
Задорные волны, серея, ревели,
И в такт с перебоями лодки качаемой
Свистели и пели столетние ели.

И чайки стонали от счастья и страха,
И падали стрелы расплавленных молний.
За маленьким островом спряталась Рауха...
Лишь небо, да мы, да гремящие волны!

Вся Сайма гремела торжественно-стройно
Безвестного гимна суровые строфы...
А сердце смеялось почти успокоенно,
Забыв о пройденной дороге Голгофы.

11 июня 1913

Надежда Львова

«Долго шли бульваром, повернули обратно...»

Долго шли бульваром, повернули обратно.
С грохотом трамвая слились злые слова.
Кажется, я назвала Вас развратным,
Заявила, что отныне я для Вас мертва.

Что мою любовь Вы растоптали сами,
Что в душе только презрение и брезгливость...
Вы как-то сжались под моими словами,
Да изредка взглядывали по-детски боязливо!

Но, когда я хотела одна уйти домой, —
Я внезапно заметила, что вы уже не молоды,
Что правый висок у Вас почти седой, —
И мне от раскаянья стало холодно.

Электрическим фонарем вспыхнуло прошедшее,
Нежность иглою сердце пронзила;
Я робко взяла Вашу руку, – и воскресший,
Вы растроганно твердили: «милая, милая!..»

Осень 1913

Надежда Львова

«Мне заранее весело, что я тебе солгу...»

Мне заранее весело, что я тебе солгу,
Сама расскажу о небывшей измене,
Рассмеюсь в лицо, как врагу, —
С брезгливым презрением.

А когда ты съежишься, как побитая собака,
Глядя твои седеющие виски,
Я не признаюсь, как ночью я плакала,
Обдумывая месть под шприцем тоски.

1 ноября 1913

Софья Парнок

«Какой неистовый покойник!...»

Валерию Брюсову

Какой неистовый покойник!
Как часто ваш пустеет гроб.
В тоскливом ужасе поклонник
Глядит на островерхий лоб.

Я слышу запах подземелий,
Лопат могильных жуткий стук, —
Вот вы вошли. Как на дуэли,
Застегнут наглухо сюртук.

Я слышу – смерть стоит у двери,
Я слышу – призыв в звоне чаш...
Кого вы ищете, Сальери?
Кто среди юных Моцарт ваш?

Как бы предавшись суесловью,
Люблю на вас навесьть рассказ...
Ах, кто не любит вас любовью,
Тот любит ненавистью вас.

<Конец 1913>

Федор Сологуб

«Зальдивши тайный зной страстей, Валерий...»

Зальдивши тайный зной страстей, Валерий,
Ты назвал сам любимый свой цветок.
Он ал и страстен, нежен и жесток,
Во всем подобен он тебе, Валерий.
И каждый день одну из криптомерий
Небрежно ты роняешь на песок.
Сковавши тайный зной страстей, Валерий,
Ты назвал сам любимый свой цветок.

29 декабря 1913
СПб.

Елена Сырейщикова

Моему жестокому милому мальчику Валерию

Как море вольное изменчив
И зыбок, зыбок без конца,
То кроток, робок и застенчив,
То жалишь дерзостью лица.

То нежишь лаской поцелуя
И темным вечером очей,
Звенишь, ласкаешься, чаруя,
Как заколдованный ручей.

То, как не сын родного мира,
С тоской глядишь в чужую даль;
Твои уста – уста вампира,
Глаза – отточенная сталь.

И в час, когда кружит beau Mond'a
Тебя блестящая волна,
Ты взглянешь странно, как Джоконда,
И улыбнешься, как она...

Но в праздный день с семьей покорной
На время собранных друзей
Ты дышишь лаской непритворной,
Ребенка нежного милей.

То светлой речкой разольешься,
Впивая неба чистый свет,
То Мефистофелем смеешься,
Откинув бархатный берет.

В минуты оаск, как раб влюбленный,
Целуешь жадно ноги жен,
Но вечно жаждать обреченный,

Ты бледным сном не утолен.

И скорбным взглядом Люцифера
Взмахнув презрительно кругом,
Ты дня земного саван серый
Прорвешь сверкающим крылом!

Твои стихи? Они жесточе
Всех мук, придуманных тобой;
В них аромат июльской ночи,
И зной, и ужас пред грозой;

Они, как папоротник острый
В тумане топких берегов,
Как орхидеи венчик пестрый,
Как вздохи влажных лепестков.

В них трепет страсти опьяненной
И чары горькой красоты,
Так соловей поет влюбленный,
Так дышат сонные цветы.

<1913—1914>

Елена Сырейщикова

«Я так тебя люблю, как и мечтать не смела!...»

Я так тебя люблю, как и мечтать не смела!
Так страстно вешний лист ни разу не дрожал,
Так ласково вода ни разу пеной белой
Не одевала грудь угрюмо-гордых скал!

Так нежно радуга сквозь листья не сквозила,
Так ярко не цвели июньские цветы,
С таким томлением, от века, милый к милой
Еще не припадал в молчаньи темноты!

Быть может, для тебя я – только сон манящий,
Я – только ветерка душистый поцелуй,
Певучий луч луны, приветливо скользящий
По зыбкой тишине бесстрастно-ясных струй,

Но верно знаю я: в твоей душе надменной
Бесследно не пройду, как утренний туман!
В безбрежности твоей пусть я останусь пленной.
Я все ж – волна твоя, мой вольный океан!

<1913—1914>

Глеб Анфилов

В.Я. Брюсову

Слышу ваш топот чугунный...

Брюсов

Вы хотите, чтоб гунны и готы
На восточных стеклись плоскогорьях,
Чтобы вновь кровавые счеты
С миром свел седой Теодорих.
Нет, не вырастут добрые севы
Под ударами варварской плети,
Короли из металла и гнева
Не размечут курган столетий.
Лучше пусть от урочищ Алтая
До излучин старого Тибра
Пронесутся голодные стаи
Настоящих желтых тигров.
О, какие жуткие ловли
Мы увидим на всех перекрестках,
И как страшно будет на кровле
Слышать тихую чью-то поступь.
В день, когда мы измерим испуги
И на вечные веки задремлем,
Пусть пройдут великие плуги
По удобренным нами землям.

1914

Иона Брихничев

В. Брюсову

Когда в Поэзии родимой
Букашкой малой ползал я
И был мой лепет нелюдимый,
Как свист стального соловья...

Из всех орлов родного неба,
Из всех прекрасных лебедей,
Лишь ты один мне подал Хлеба,
Когда бросали мне камней...

Ты постигал душой орлиной
Орленка в ползавшем черве...
И звал на Подвиг Лебединый...
Необрученного Молве...

И вот, – с твоих высот, Могучий,
Ты видишь – новой Тверди сын
К тебе, разрезывая тучи,
Несется гордо от низин...

Благослови, Орел Полночи,
Мой неразгаданный полет.
И пусть, как пламя, блещет в очи
Твоих мне песен водомет.

<1914>

Александр Федоров

На войне

Сонет

В. Брюсову

Мы на войне. Вы слышите ли, люди,
Мы на войне, где вся земля в крови,
Где лязг штыков, свист пуль и рев орудий
Рождает гнев возвышенной любви.

Но, Боже правый, милостив нам буди,
И в день, когда все говорит: живи —
Дай позабыть о Каине, Иуде,
И жизнь и смерть равно благослови.

Чтоб в светлых зовах радостного света,
Напомнивших зимою про апрель,
Земля раскрыла сердцу колыбель,

И два безумца, два твоих поэта,
Мы вспомнили, что посланы судьбой
Петь не войну, а мир твой голубой.

Варшава

13 января 1915

Александр Скрябин

Валерию Яковлевичу Брюсову

Властитель и любовник нежный мира
Далекого и чуждого тебе,
Я, вняв своей загадочной судьбе,
Увы, не гость сегодняшнего пира.

Но будь послушна, о поэта лира,
И в сем послании дай в похвальбе
Воспеть собрата мне по ворожбе
И многих душ пророка и кумира.

А ты, о жрец, меня не осуди
И не почти, поэт, за дерзновенье
Неискушенных рук прикосновенье

К струнам неведомым: в моей груди
Желанье властное мной смеет править
На языке родном тебя восславить.

<Январь 1915>

Игорь Северянин

Поэза для Брюсова

Вы, чьи стихи как бронзольвы,
Вы поступаете бесславно.
Валерий Яковлевич! Вы —
Завистник, выраженный явно.

Всегда нас разделяла грань:
Мы с вами оба гениальны,
Но разных толков. Ваша брань —
Уже не львы, а просто зайцы...

Различны данные у нас:
Я – вдохновенностью экватор,
И я осоловил Парнас,
Вы – бронзовый версификатор!

И свой у каждого подход
Все к тем же темам мироздания,
У каждого свой взгляд, свой взлет,
Свои мечты, свои задания.

Вы – терпеливый эрудит,
И Ваше свойство – всеанализ.
Я – самоучка-интуит, —
Мне непонятна Ваша зависть!

Но чем же, как не ею, чем
Я объясню нападки Ваши
На скудость тем, моих-то тем!
На лейт-мотивность, мая краше!

Не отвечаю никому:
Достойных нет. Но Вам отвечу,
Я Вам отвечу потому,

Что верю в нашу снова встречу.

Я исто смел. Я исто прям.
Вас ненавидят много трусов.
Но я люблю Вас: вот я Вам
И говорю, Валерий Брюсов.

Не Вы ль приветили меня
В те дни, когда еще бутылки
Журчали, весело звеня,
Как Фофанов приветил пылкий?

Я Вам признателен всегда,
Но зависть Вашу не приемлю...
Прояснись, каждая звезда,
Ты, озаряющая землю!

Январь 1915

Александр Соколовский

Избраннику

Валерию Брюсову

Над жадной бездной исступленности,
Над стрелами враждебных глаз,
Всплывают отклики влюбленности,
Царит властительный экстаз.

Душой уверенной и гибкою
Ты чью-то тайну подстерег
И с равнодушною улыбкою
Венчаешь доблесть и порок.

Безумно-алыми рубинами
Бросая беспощадный стих,
Ты дышишь сказками старинными
В извивах улиц городских.

Равно прекрасному и злему ты
Сплетаешь огненный венок
И смотришь зорко в злые омуты
Страстей, желаний и тревог.

Ты грезишь смутными намеками,
Но в каждом слове – твой экстаз.
Какими злыми и далекими
Ты видишь нас, ты видишь нас!

Изнежен грезами весенними,
Безумец, гений и мудрец —
Ты равнодушными хотеньями
Бросаешь сердце в бой сердец.

И если песни вдохновеннее

Придумает иной поэт —
Ты будешь помнить все мгновения
Твоих уверенных побед.

И все безумия и нежности
Сплетутся в пламенный венец,
Венчая тайной неизбежности
Тебя – восторженный певец!

Март 1916

Владимир Святловский

В.Я. Брюсов

Ты, – Брюсов, – странный мир, где все необычайно,
Где пластику Афин и чары мастеров
Пронзает гения непознанная тайна,
Несущая земле – вуаль предвечных снов.

Ты, жрец Изид, таинственно-прелестных,
Оракул и певец при храме строгих Фта,
Змеиных страж цветов средь подземелий тесных,
Неопалимый лист горящего куста.

1916

Магдалина Вериго

«В его усталом вдохновеньи...»

В его усталом вдохновеньи
Нет томных красок блеклых роз,
Но изнурительны виденья
Высокомерно-ярких грез.

Он обладает странной властью
Сердца горячие пленять.
Он, полный горького бесстрастья,
Все страсти может возбуждать.

О, сколько жарких слез исторгли,
Для скольких душ зажгли цветы
Его холодные восторги
И равнодушные мечты!

Он в хаос снов, где дух расплавлен,
Вперяь бесстрашно может взгляд:
Ни блески льдов, ни солнца пламень
Померкших глаз не ослепят.

<1912—1918>

Игорь Северянин

Валерию Брюсову

Нежны berceus'ные рессоры —
Путь к дорогому «кабаку».
В нем наша встреча, – после ссоры, —
Меж наших вечеров в Баку.

Я пил с армянским миллионером
Токай, венгерское вино.
В дыму сигар лилово-сером
Сойтись нам было суждено.

Походкой быстрой и скользящей,
Мне улыбаясь, в кабинет
Вошли Вы, тот же все блестящий
Стилист, философ и поэт.

И вдохновенно Вам навстречу
Я встал, взволнованный, и вот —
Мы обнялись: для новой речи,
Для новых красок, новых нот!

О, Вы меня не осудили
За дерзкие мои слова, —
И вновь певцу лесных идиллий
Жизнь драгоценна и нова!

Я извиняюсь перед Вами,
Собрат, за вспыльчивость свою
И мне подвластными стихами
Я вас по-прежнему пою!

Игорь Северянин

Брюсов

Никем не превзойденный мастер.
Великий ритор и мудрец.
Светило ледовитой страсти.
Ловец всех мыслей, всех сердец.

Разламывающая сила
Таится в кованных стихах.
Душа рассудок научила
Любить, сама же пала в прах.

И оттого – его холодность:
Душа, прошедшая сквозь ум.
Его бесспорная надмодность
Не столь от чувства, сколь от дум.

Великий лаборант, он каждый
Порыв усвоил и постиг.
Он мучим неизбывной жаждой
Познания всех вселенских книг.

В нем фокус всех цветов и светов
И ясной мысли торжество.
Он – президент среди поэтов,
Мой царский голос за него.

Николай Минаев

Валерию Брюсову

Акростих

Весна! Как счастлив я! Покончено с зимой...
Апрельский вечер тих, и легкий ветер вея
Ласкает ветки верб; улегшись на траве, я
Ему отдал себя, он – брат весенний мой.

Раскрыли облака свой веер с бахромой,
И от закатных стрел стыдливо розовея,
Юг весь заволокли, а выше и правее
Блестит звезда любви над алою каймой.

Резва и весела беспечная летунья
Юлит вокруг меня, и только нежно дунь я,
Слетит с прозрачных крыл пыльца из серебра...

О, милая моя! Не избегай меня ты:
В душе как здесь – апрель, душа вдвойне добра,
Усталость и недуг с нее весною сняты!

<Май> 1919

Константин Бальмонт

Валерию Брюсову

В те дни, когда мы были двое,
Лишь ты и я, лишь я и ты,
Светило небо голубое
Первопричастьем красоты.

Все мироздание живое
Вело нас в тайну бытия,
И было в мире только двое:
Лишь я и ты, лишь ты и я.

Но кто он, третий?
И кто он, пятый?
И кто он, сотый?
И миллионный?
Сверкнули сети.
Мелькнул распятый.
Глядят заботы.
Провал бездонный.

На песни сердца
Нам отвечали
Разрывной хохот,
Звериный крик.

У иноверца
Свои печали,
И рухнул грохот,
Везде возник.

Мечта хотела,
Душа брелась
И уходила
К иным пределам.

Душа и тело
Сложились в голос,
Да светит сила
И слава смелым.

Мы побеждали.
Смотри – ликую.
Мы победили.
Горю. Горишь?
Звено из стали
В тюрьму немую.
Изжитой были
Слепая тишь.

И вновь мы в мире только двое:
Лишь ты и я, лишь я и ты.
Но что нам эхо верховое
Добросит книзу с высоты?

Две силы бьются в равном бое,
Орел летит, язвит змея,
И падаем мы в вечность двое:
Лишь я и ты, лишь ты и я.

30 сентября 1919

Олег Леонидов

Валерию Брюсову

Я чту его определенность,
Его размеренную медь,
Его уменье петь влюбленность
И не любить, и не гореть.
В его напевах напряженность,
И от годов им не истлеть:
Он – в море брошенная сеть,
Чтобы измерить всю бездонность,
Изведать тайны глубины
И цвет изменчивой волны,
Пройти дорогой отражений
И в четком зеркале теней
Явить и ярче, и ясней
Боль вечных взлетов и падений!..

1920

Адалис

«Уходит нежный день с повинной головою...»

Вал. Брюсову

Уходит нежный день с повинной головою,
Тлеет на западе его последний кров;
И небо позднее вскипает над Москвою
Умелым пламенем латинских облаков.

Я ветру говорю: «Уже звездам являться,
Уходу тучных туч ты песней помоги:
Шагам Юпитера пристало удаляться,
Когда Венерины послышатся шаги!»

<1920>

Адалис

«Вверх голубым дном...»

В. Брюсову

Вверх голубым дном
Март звонко и плотно.
Всем покидающим этот дом
Поручаю фиалки, сумерки и болота.
А мне безвыездно жить помоги
В сердце твоём, где весна слаба.
Продана, продана за долги
Наша выгоревшая судьба!
Только решились ее замкнуть,
Только окрепли проститься с ней,
Как захлестнуло последний путь
Голубым таяньем черных дней!
Некуда, некуда, нежный друг, —
Песнями не облетишь суженой!
Звонко проветренный – твой досуг
Пламенем прожит и мной заслужен.

27 марта 1921

Николай Бернер

В. Брюсову

Брюсов – певец, из мастеров терпеливейший мастер.
Опытом всех превзойдя, римскою тогой гордись.
Не Маяковщина, нет, даже не Блока «Двенадцать» —
Муза классических форм вычертит поступь судеб.
Переживем как-нибудь и балаган недоучек,
Переживем палачей кисти, пера и резца.
Скифские годы пройдут, имажинистские годы...
Только душа – что алмаз магом граненых стихов.

<1922>

Анатолий Волкович

Многоликий

Сонет-акростих

В пещерах древних снов затворник – и пророк,
Аллей ликейских друг – и оргиаст бессонный,
Людских морей волна – и странник, в даль влюбленный...
Ему и жизнь, и смерть судил постигнуть рок.

Равны в его мечтах святыня и порок,
И, сердце пепелить на пытке обреченный,
Юпитер – зодчий грез, Гефест в ковальне строк,
Блистающим стихом явил он пепл сожженный.

Рабом Эроса он в алькове долгий срок
Ютится в душной мгле. Но, слыша Третий Рог,
Свергает гнет с души, каким ее он сгорбил,

Орфеем вновь встает, чтоб Urbi at que Orbi
Воспеть тебя, Любовь, и круг земных дорог,
Узнать, что все – на миг, и стать герольдом скорби.

<Декабрь 1923>

Владимир Кириллов

В те дни

Валерию Брюсову

В те дни я отдан был снегам,
Был север строг, был сумрак долог,
Казалось, никогда ветрам
Не распахнуть свинцовый полог.

Мой темный, низкий потолок,
Иная жизнь здесь только снится...
Но вот, на золотой песок
Выходит гордая царица.

Царица – жаркая мечта,
Я бедный раб, нубиец черный,
Мне не обрести ее уста
И не расторгнуть плен позорный...

И только в звонком полусне
Благоуханные баллады...
Но вот, иная даль в огне,
И гнев вздымает баррикады.

И каменщик, подняв кирпич
Над стройкой тягостной, осторожной,
Задумался, услышав клич
Свободы близкой и возможной...

Любовно закрываю том,
Уж ночь, а не могу уснуть я:
За далью – даль, чудесным сном
Встают «Пути и перепутья».

<Декабрь 1923>

Иван Аксенов

Валерию Брюсову

Пятьдесят лет. У Скинии Завета
Гремели трубы и Первосвященник
Благословлял собравших лет избыток
На радость и на отдых годовой.
Нет отдыха поэту!
Есть избыток:
Он собран жизнью, полной стройных песен
О счастье, о тоске, о строгой страсти,
О городе, о мире, о восстаньи,
О правой мести, о былых веках,
О будущем великом совершеньи.
Но это нам, а новый труд – поэту.
Еще дрожал пальбою этот город,
Еще дымились баррикады Пресни,
Еще мычали чьи-то поздравленья
О наступавшем правовом порядке,
Когда Валерий Брюсов крикнул: «Нет!»
«Нет, мне не надо травоядной жвачки,
Я не войду в парламентский загон,
Я срам пред ликом будущих веков
Другим предоставляю. Дети молний,
Кующие восстанье! Дети дня
Искусственного, под крепленьем шахт —
Разбейте эту жизнь и, с ней, меня!»
То было восемнадцать лет назад.
Поэт, Вы помните «довольных малым»?
Их небывалый смерч отбросил в смерть,
Не видно даже пыли их паденья,
А Вы?
Напрасно ль в шахтах нашей речи
Вы вырубали пламенной киркою
Базальты слов и образов трахиты?
Напрасно ли Вы каждое страданье,

Каждую радость отливали в формы
Закрытые в придавленную жизнь?
Напрасно ли Вы ели хлеб насмешки,
Напрасно ли Вы пили желчь вражды,
Замешанную в уксусе клевет
И впитанную губкой лицемерья?
Но я скажу:
Республики Труда
Вам отвечают. Многих вод паденье —
Их голос. Эти лампы – слабый призрак
Тех глаз, которые хотят увидеть
Сегодня Ваше торжество и праздник
Неуклонимой, бешеной работы.
И голос мой теряется среди
Приветствий, кем взволнованный далеко
Воздух Страны Всемирного Восстанья
Сегодня полон.
Это Вам награда
Желанней Вечности, которой Вам не надо.

<Декабрь 1923>

Александр Гербстман

Валерию Брюсову сонет-чаша к 50-тилетию

В тиши больших Веков ствол мира обвивая,
И рАтные годА включив в свой зычный круг,
РосЛо, печАльный сон преображая в звук,
Твое ЕдиноЕ начало – песнь живая.

Так Разно пРолегла в былое – к свае свая:
СтихИ, за нИми драм, романов ход упруг,
И ГамаЮн, Ютясь в ветвях их, стонет вдруг
АвтомоБиями и взвизгами трамвая.

Пусть вРемя трудное поэзии грозит
И песен Юных свет отравой мистик вздымлен –
ПятидеСяти лет Ты нам даешь свой щит,

Что от бОев хранил еще могучих римлян.
И в этот Властный день, в Твой жданный юбилей
Я чашУ пью, Участь у мудрости твоей.

<Декабрь 1923>

Борис Троицкий

Валерию Яковлевичу Брюсову

*И, поклонникам кинув легенды да книги,
Оживленный, быть может, как дракон на звезде,
Что буду я, этот? – не бездонное ль nihil,
Если память померкла на земной борозде.*

В. Брюсов, кн. «Дали», стих. «Nihil»

И в пятьдесят исканья – трап от прошлого
Через сегодня, брошенный на брег
Веков иных, манящих так же просто,
Как прост времен неудержимый бег.

Истраченное в прошлом – только память
Страниц желтеющих грядущим сохранит...
Сегодня, – Новое – к рулю! – И верно правит
Иным путем. Иначе жизнь гранит!

Быть может все, основанное новью
Единственных, незыблемых побед,
Как юность звонкая магнитною любовью,
Пропело нам в сегодняшней борьбе!?

Тебе, корабль мысли снявший с nihil,
Науки рулевой, приявший новый миг,
Мой стих, где каждой строчкой никну
Перед грядущим, вставшим напрямик!

И в пятьдесят исканья – трап от прошлого
Через сегодня, брошенный на брег
Веков иных, манящих так же просто,
Как прост времен неудержимый бег.

<Декабрь 1923>

Николай Ушаков

Сонет

Брюсову

Пусть металлический язык сонета
Фанфарами торжественными крут.
Ни шторм, ни прах, ни время не сотрут
Того, что тягостным резцом задето.

Кто смел сказать с улыбкою про это,
Что розы в мастерской не расцветут?
Литейщика, гравера и поэта
Благословен тройной и трезвый труд.

Тому покорны медленные сплавы —
И оловом и медью величавы —
Кто укротил рдяную круть руды.

Вы дышите тяжелою свободой,
Поэзии бессонные сады
И голубых плавилен садоводы!

<16 декабря> 1923

Александр Кусиков

Валерий Брюсов

Наглухо застегнутый сюртук —
Метущийся и суетный покой.

Скрестивши мысли гибкою рукой,
Как будто бы оберегая грудь,
Он говорит. – И трепетно во рту
Лучится негасимо папироса.

Слова тяжелые и скользкие – как ртуть.

Вот вижу: – он в ЛИТО и в НАРКОМПРОСЕ,
Вот председательствует он в СОПО,
Вот он читает об Эдгаре По,
О символизме, о Катулле...

Одним он враг – другим он нежный друг.

Лицо татарское, обрубленные скулы,
И наглухо застегнутый сюртук.

Порой улыбка остро от виска
В провал подбровный выморщит иглу,
И скалы скул, вздымаясь на оскал,
Его зажженные глаза уводят в глубь.

Походка мягкая: – плывет, крадется он,
Внезапно выхватом срывая легкий шаг,
Потом прыжок, потом волчковый бег...

День в памяти: дымилась пороша: —
Он промелькнул, и сдержанный поклон
Двум нелюбимым обронил на снег.

Еще один запомнился мне день,
Раскатный день,
Неповторимый день: —

Октябрь по улицам грузовиком грохочет,
С Ходынки молния: гремит чугунный гром,
И новый стих и новый твердый почерк
Выводит Кремль бушующим пером.

Мы встретились. – Он радостный и страстный,
Его глаза восторженно горели...

Да, это ты, суровый, строгий мастер,
Мой старший друг,
Любимый друг,
Валерий.

<16 декабря 1923>

Борис Пастернак

Брюсову

Я поздравляю вас, как я отца
Поздравил бы при той же обстановке.
Жаль, что в Большом театре под сердца
Не станут стлать, как под ноги, циновки.

Жаль, что на свете принято скрести
У входа в жизнь одни подошвы; жалко,
Что прошлое смеется и грустит,
А злоба дня размахивает палкой.

Вас чествуют. Чуть-чуть страшит обряд,
Где вас, как вещь, со всех сторон покажут,
И золото судьбы посеребрят,
И, может, серебрит в ответ обяжут.

Что мне сказать? Что Брюсова горька
Широко разбежавшаяся участь?
Что ум черствеет в царстве дурака?
Что не безделка – улыбаться, мучась?

Что сонному гражданскому стиху
Вы первый настезь в город дверь открыли?
Что ветер смел с гражданства шелуху
И мы на перья разодрали крылья?

Что вы дисциплинировали взмах
Взбешенных рифм, тянувшихся за глиной,
И были домовым у нас в домах
И дьяволом недетской дисциплины?

Что я затем, быть может, не умру,
Что, до смерти теперь устав от гили,
Вы сами, было время, поутру

Линейкой нас не умирать учили?

Ломиться в двери пошлых аксиом,
Где лгут слова и красноречье храмлет?..
О! весь Шекспир, быть может, только в том,
Что запросто болтает с тенью Гамлет.

Так запросто же! Дни рожденья есть.
Скажи мне, тень, что ты к нему желала б?
Так легче жить. А то почти не снести
Пережитого слышащихся жалоб.

15 декабря 1923

Анатолий Луначарский

Экспромт В. Брюсову в день его юбилея

Как подойти к Вам, многогранный дух?
Уж многим посвящал я дерзновенно слово
И толпам заполнял настороженный слух
Порой восторженно, порой, быть может, ново.
Но робок я пред целым миром снов,
Пред музыкой роскошных диссонансов,
Пред взмахом вольных крыл и звяканьем оков,
Алмазным мастерством и бурей жутких трансов.
Не обойму я Вас, но уловлю я нить
Судьбы логичной и узорно странной.
И с сердцем бьющимся я буду говорить
Пред входом в храм с завесой златотканной.

17 декабря 1923

Александр Корчагин

Валерию Брюсову

Я маленький и ничего не знаю, —
Существованье трудно оправдать.
Смогу ль, как ты, нести и славить знамя
Борьбой освобожденного труда?

Я лишь одной мужицкою тоскою
И то едва ль успел переболеть,
Меж тем как ты, чтоб мысли бег ускорить,
Взрывал могилы потускневших лет.

Тебе века избороздили сердце.
Их смысл туманный силясь разгадать,
Ты впитывал глазами иноверца
В страницах заключенные года.

Ты в древности, как золотоискатель
В заманчивых далеких рудниках.
Тебя, как сына лучшего, ласкала
Истории тяжелая рука.

Тебе седого времени изломы,
Как этот день. В утраченном былом
Ты проходил раздумчиво, как дома,
Меж величавых мраморных колонн.

Я маленький, и было бы мне трудно
Простой урок отдельно повторить.
И помню только: проходили гунны...
Афины помню и Великий Рим...

Я не горел огнем тысячелетий.
Мне жаль, что – равнодушный к красоте
Иных веков – я лишь теперь заметил

Следы тобой изведанных страстей.

В пути – чадрой закутанные лица,
Сказаний волн не слышу со скалы.
Хочу, как ты, к прошедшему склониться,
Чтобы смелей в грядущее отплыть.

Сентябрь 1924

Батуми

Борис Зубакин

«Вдали от злобственных укусов...»

Вдали от злобственных укусов
Как Фауст – среди книг и песен Муз,
Валерий Яковлевич Брюсов
Живет у Башни, где в союз
Вводил масонский – хмурый Брюс
Терявших закоснелость руссов.
А я, питомец русских «Брюсов»,
На сухаревский ли лоток
Сменял «гран-мэтров» молоток,
Науки мелкой черепками
Заняв себя и молотками
Музейных сумрачных витрин,
Где бог палеолита – сплин?
О нет! И Брюсов календарь,
И строчки Брюсова в мой ларь.
Их не продам за полки прозы
Сухой учебы! И занозы
От стрел оленьевой поры
Горят во мне, как зуд игры.
На Малой Знаменке дом семь
От двери с цифрой «двадцать восемь»
Сквозь снежный двор, где я живу,
Мой путь, – во сне иль наяву
Мне тень перебегает лосем,
И жажду – севера иль лыж,
Где обгорелый сердца пыж
В мишень скитания забросим.
Вчера запел Ваш телефон
Унылой вестью о недуге.
Ужели на постели – фон
Фигуры, свившей путь во вьюге?
Но не подагрою отцов,
Не расслаблением вельможи

Вас приковал на строгом ложе
Болезни искус! И закон
Ассоциации неложной —
Утеха мне – со всех сторон,
Везде судьба шлет четкость знаков
Своих отметин и путей:
Сегодня Брюсов, как Иаков,
Стал хром в борьбе с Еговой дней,
Включившим спор в пределы тела.
Но завтра – воля одолела! —
И снова – грозный, как Тиртей,
Как Байрон с острою отвагой, —
Он, опьянен кровавой влагой,
Вина, боренья и тревог —
Переступивши за порог,
Об ассирийском льве напомнит.
О, Рок-скульптор. В каменоломне
Твоих затей есть барельеф,
Где с перебитой лапой лев
Еще грозней, еще огромней!..
Пока напрасен наш сговор
В музее встретиться и спор
Вести над мамонтовой костью,
Иль милой свастики узор
Найти под вековой коростью.
Но нас олений ждет убор
Эпохи бронзы и железа,
И все сокровищницам Креза
В нем иронический укор.
И как перебегая двор,
(Когда иду) ночные тени,
В мой сон вбежавшие олени
Из дымных дней, где у костра
Игла художника остра
И где водители-поэты
Свои заклятья – в амулеты
Им напевали до утра.
Скорей, немедля поправляйтесь,
Сие избавит Вас потом

От скверным писанных стихом
Моих посланий. Улыбайтесь
Еще тому, что только сто —
Не триста строк включил листок.

<Начало октября 1924>

Василий Дембовецкий

Валерий Брюсов

Торжествен, строг и строен, как фронтоны,
И прост математически, и сложен,
В другой стране, в кругу других времен
Валерий Брюсов был бы невозможен.

Но над его судьбой сомкнулся круг:
Два роковых, нерасторжимых брата —
Век девятнадцатый и век двадцатый —
Сказали все стальным пожатьем рук.

И здесь у нас, средь призрачного бденья,
Он встал как явь, преображая жизнь,
И воплотил в себе преодоление
Всех тяг земных и всю порывность ввысь.

От солнца древнего затепленные страсти
Порой в его груди будили крик,
Зовя к немислимому счастью,
И женский потаенный лик

От Евы сладостной до смуглой Клеопатры
И от нее до женственной мечты
О dolorosa matre,^[3]
Томил его виденьем красоты.

В дни мужества он понял неотторженность
Всего, что с ним слилось,
И сердца пленного великость и ничтожность,
Пронзившую его земную ось.

И он отдал себя заботе
И весь ушел в надрывный труд,
В благословляющий приют

К безостановочной работе.

Упорный каменщик стиха,
Без устали гранил он слово,
И молоток его суровый
Ни на минуту не стихал.

Его усилья, твердые, как дамба,
Как неотступный меч,
Нам высекали каменные ямбы
И мраморную речь.

Он славе Пушкина неколебимый цоколь
Воздвиг в сердцах,
И им для нас постигнут до конца
Испепеленный Гоголь!

Стремя, как рать, свой непокорный стих,
Изнемогая жертвенно в напеве,
Стозвучным символом измерив миг,
Из мудростей земных и терпких повседневий

Он предпочел лишь мудрость пчел —
Сальери сам, он выпил яд Сальери
И в одиночество ушел
Путем иным, чем Данте Алигьери.

В Москве, в полуночном Кремле,
Он пребывал, как внемлющий оракул.
И вместе с Лениным к земле
И припадал, и слушал он, и плакал.

И в эти дни, когда изнемогли
Его глаза, ему опять сияли,
Сквозь вещей дым пылающей земли, —
И мирный дол, и кругозор, и дали.

Благословив восстанье новых сил,
Валерий Брюсов, первый из поэтов,

Под красным знаменем свой стих сложил
За власть Советов!

1924

Феодосия

Александр Ильинский-Блюменау

«В тысячеголосном уличном шуме...»

В тысячеголосном уличном шуме
Сегодня прокричала вечерняя газета:
«Умер Брюсов!.. Брюсов умер!» —
И нет с нами нашего поэта.

И весь мир вдруг нам сделался тесен,
И, кажется, весь мир соединился в нем,
В угасающем отзвуке недопетых песен,
Каждый отзвук которых нам знаком...

Еще вчера, в бреду он сжал усталую руку,
Как будто в чернила опустил перо,
И в улыбке скрылась последняя мука,
И в глазах залучилось мыслей серебро...

А сегодня в многоголосном уличном шуме
Глухо-скорбно прокричала вечерняя газета:
«Умер Брюсов!.. Брюсов умер!» —
И нет больше с нами нашего поэта.

9 октября 1924

Сергей Есенин

Памяти Брюсова

Мы умираем,
Сходим в тишь и грусть,
Но знаю я —
Нас не забудет Русь.

Любили девушек,
Любили женщин мы —
И ели хлеб
Из нищенской сумы.

Но не любили мы
Продажных торгашей.
Планета, милая, —
Катись, гуляй и пей.

Мы рифмы старые
Раз сорок повторим.
Пускать сумеем
Гоголя и дым.

Но все же были мы
Всегда одни.
Мой милый друг,
Не сетуй, не кляни!

Вот умер Брюсов,
Но порем и мы, —
Не выпросить нам дней
Из нищенской сумы.

Но крепко вцапались
Мы в нищую суму.
Валерий Яклевич!

Мир праху твоему!

<11 октября 1924>

Н. Ольхин

Каменщику

В.Я. Брюсову

Каменщик, ширится,
высится,
строится
Красное зданье твое!
Где же ты, каменщик?
– Я успокоился.
Дело теперь не мое...

Каменщик, мастер, а как же с поденными?
Видишь, унынье в строю.
– Ломки и стройки рождают Буденного
В каждом бою!

Каменщик, братец, а в звезды за балками
Кто же нас будет вести?
– Эх, говорю, продолжай да подталкивай!
Песня, прости!..

<11 октября 1924>

Георгий Шенгели

У гроба Брюсова

Тяжелый, серебряный, креповый свет
От крепом затянутых накрепко ламп;
В дубовом гробу костенеет поэт, —
И костью над гробом ломается ямб.

Как странно звучит панихида стихом,
Как странно и стих в панихиде звучит:
Кость мыши летучей, разрыв и разлом,
Крошится о крестик, нашитый на щит.

О, магия слова! Игрушка ночей.
Вот скулы камфарные вдвинуты в гроб.
А ну-ка, поробуй, под крепом лучей,
С крахмальной подушки поднять этот лоб!

И выются летучею мышью слова
Под крепом затянутых накрепко ламп;
Крошится мышиною косточкой ямб;
В гробу – парафиновая голова.

11 октября 1924

Иван Логинов

Памяти В.Я. Брюсова

Живого слова зодчий
И автор многих книг,
Верхарна переводчик,
Бодлэра и других.
Пришел от символизма
Он, творчеством горя,
Под знамя Коммунизма,
К поэтам Октября.
Россию трудовую
Поэт не покидал,
И строить жизнь иную
Рабочим помогал.
Живого слова зодчий
И автор многих книг.
Забудет ли рабочий
Поэта дней таких.

<12 октября 1924>

Игорь Северянин

На смерть Валерия Брюсова

Как жалки ваши шиканье и свист
Над мертвецом, бессмертием согретым:
Ведь этот «богохульный коммунист»
Был в творчестве божественным поэтом!

Поэт играет мыслью, как дитя, —
Ну, как в солдатики играют дети...
Он зачастую шутит, не шутя,
И это так легко понять в поэте...

Он умер оттого, что он, поэт,
Увидел музу в проститутском гриме.
Он умер оттого, что жизни нет,
А лишь марионетковое джимми...

Нас, избранных, все меньше с каждым днем:
Умолкнул Блок, не слышно Гумилева.
Когда ты с ним останешься вдвоем,
Прости его, самоубийца Львова...

Душа скорбит. Поникла голова.
Смотрю в окно: лес желт, поля нагие.
Как выглядит без Брюсова Москва?
Не так же ли, как без Москвы – Россия?

16 октября 1924
Järve

Игорь Славнин

Валерию Брюсову

Бессмертьем отмечает память
Тех, кто не может умереть: —
Твоих стихов поющий камень
И сердца пламенную медь.

Чуть жесткий взгляд. Тугие брови.
Единою мечтой пленен,
Ты кинул тлен средневековья,
Заслышав бурный плеск знамен.

Горел. Погас. Чего же проще?
Нам всем одним путем идти.
Сегодня зеленеют рощи,
Чтоб завтра ржавью отцвести.

А стих живет, а слово светит,
А песней празднуют весну —
За снежные хребты столетий
Тебе дано перешагнуть.

Звени, векам поющий камень
И сердца пламенная медь, —
Бессмертьем отмечает память
Тех, кто не может умереть.

«Октябрь 1924»

Александр Чачиков

Поэту-филателисту

Века пройдут – томительные звенья,
А пролетят – и не заметим их.
Любовно повторяя каждый стих, —
Его узнает столько поколений!
Раскрыта «Меа», много книг иных,
И, вот, идут приветные виденья: —
Юг переменчив, Север не затих,
Бурлит Восток, на Западе смятенье!
Руши миры! Смешай в одну громаду
Юпитер, Марс, Венеру и Сатурн!
Смел, – дерзок, пламенен, отважен, бурн, —
Октябрь червонный прежние преграды!
Валерий Брюсов! Имя это надо, —
Услышав, повторить в напеве зурн.

«Октябрь 1924»

Вера Ключева

Памяти Брюсова

В твоих словах фиалки не цвели,
Не пели звезды, соловьи молчали.
Но огненные страстные печали
По городам дряхлеющим брели.

И летний зной, и зимний хлад земли
Тебя равно ветрами обжигали,
И твой закал огнеупорной стали
Сиял прозрачным месяцем вдали.

Плыли года. Вигилий городских
Звучала медь о каменные плиты,
И все жесточе становился стих

И оборвался. Трауром обвиты
Кладем на гроб из досок смоляных
Любви старинной пожелтевший свиток.

<15 ноября 1924>

Борис Зубакин

Брюсову

У него порой бывали совсем юношеские глаза. Из художников это понял только один.

И Ангел Огненный сказал ему: «Восстань»!
И он восстал и видел: лик двойкий.
Добро и зло свои смешали знаки
И Темные Весы – сжимала длань.

И принесла ему свой скрежет, вой и плач
Несметная орда: чудовища, химеры.
И, как застигнутый волками в ночь скрипач,
Он стал им петь – и потекли размеры.

И там, где под ногой его скала
С внезапной трещиной в расщелину раздалась,
Его на ложе миртов приняла
Античная беспечная усталость.

И все химеры вспомнили о том,
Что их хвосты – лишь водосточный желоб,
Что «Нотр-Дам» – высокий, светлый дом
И в высоту летит, ликуя, голубь.

И смерть вздохнула меж пустых дубрав
О юном Отроке, о днях несущих убыль,
С улыбкой, на груди его разняв
Те руки, что скрестил прозревший Врубель.

<Ноябрь 1924>

Вячеслав Иванов

«Как листья ветр, – у Вечности преддверий...»

Как листья ветр, – у Вечности преддверий
Срывает Смерть, что украшало нас;
И в строгий, нелицеприятный час
Я о душе твоей молюсь, Валерий.

О вечной памяти – не здесь, в молве,
На поколений столбовой дороге, —
Но в ждущей нас недвижимой синеве,
Но в искони помывлившем нас Боге.

30 ноября 1924

Максим Нетропов

Памяти В.Я. Брюсова

Труженик слова на славу труда
Мысли сверлящей и острой,
Время, безвременье, дни и года —
Гроз и сияния гости.

Гордый в гореньи и мягкий подчас,
В хоре друзей одинокий,
Быстро светильник чудесный погас,
Скошенный болью глубокой.

Снова под знаком беззначным стоим,
Снова волнения, речи,
В юном задоре мы зорко храним
Мудрость заветов предтечей.

6 декабря 1924

Александр Ильинский

Ultimum vale^[4]

Валерию Брюсову

К чему поток ненужных слов,
Когда, уйдя в безгранность дали,
Он тленной жизни снял покров
И мы в скрижаль его вписали,
Запечатлев последний миг:
«Ultimum vale» – жуткий крик.

Ты пел всегда про радость дня,
Ты мудрость знал змеи очковой,
Ты шел, в душе своей храня,
Стихов отточенное слово...

И вот теперь покинул нас
Тот, в ком мы мудрость познавали...
Был час девятый... страшный час...
Померкло солнце... скрылись дали...
Смешались в хаос все пути,
И в храме скорби и печали
Звучит «последнее прости».

11 декабря 1924

Сергей Городецкий

Валерию Брюсову

В те годы, в страшные те годы,
Когда в провале двух эпох
Мерцали мертвые эподы
Кошмарами Эдгара По, —

Когда свирелями Вердена
Звенел в поэтовой молве
Закон губительный: из плена
Лети, лети! – Au vent mauvais!^[5]

Когда, как мертвых листьев шорох,
Был слог, был звук, был лепет слов,
Зануженных в шаманьих шорах, —
Свое он начал ремесло.

Да. Помним. Заласкать мещане
Хотели бронзу, сталь и медь,
Чтобы от их проржавых тцаний
Гортани гневной онеметь.

Но Врубелем в точнейший контур,
Собой – в законченный портрет
Навеки впаян, – горизонту
Ночному был он – строгий свет.

Кругом на отмели и рифы
Бросались в гибель корабли,
И клювами когтили грифы
Мыс Прометеевой земли.

Кликуши плакали и выли,
Ему свистели в пьедестал
И злобой харкали, – не вы ли,

Кто нынче в гроб ему рыдал?

Он устоял, шальному тропу
Подковой мягкий рот стеснив,
Валун Рутении в Европу
Перегранил – Бореем с нив.

И стал над безднами провала,
На грани берегов иных,
На догоранье карнавала
Смотря с презреньем седины.

И первым смелым из бывшего
Вошел в огонь, в грозу, в октябрь,
Свое взыскующее слово
С багряной бурей скрестя.

Ушел, испив вино и оцет.
Живет, расплавив миг в века.
Vos morituros nasci docet,
Vos nasciendos evocat. [\[6\]](#)

Николай Захаров-Мэнский

Памяти Валерия Брюсова

Два долгих дня, две долгих ночи
Стоял почетный караул —
Не разбудили б – ведь рабочий,
Устав за долгий день, уснул...
Не разбудили б... Тише, тише,
Знамена ластились к нему...
Спокоен, он в цветочной нише
Принял таинственную тьму...
Враги, друзья... Но не волнуют
Привет, и слезы, и укор,
Теперь, когда его целует
Седая смерть в угасший взор...
И все равно, что он бессмертен —
Тому, кто здесь и нищ, и нем...
Ведь заколдован и зачерчен
Путь мерзлым снегом хризантем.

1924

Ольга Мочалова

Брюсову

Посторонитесь
перед железным отчаяньем,
Похожим на силу,
Чем дышало Брюсова имя
Под небом синим.
Помните
всю особенность
Этой не теплоты,
Сухую яростность страсти,
Жадные поиски красоты!
Величавое отвращенье
Рядом с волею к жизни
Замкнутого человека
Без мирной отчизны.
Но безотчизной и наша становится
Жизнь
перед убылью силы,
Когда вздрагивает морозом
Октябрь без Брюсова
У разрытой могилы...

<1924>

Сергей Соловьев

«Нас было трое на турнире...»

Нас было трое на турнире:
С улыбкой девы на губах
О небесах звенел на лире
Воздушный Вольфрам Эшенбах.

Но, скован чьим-то властным взором,
Он вдруг растерянно умолк
Перед волшебником Клингзором,
В наш круг ворвавшимся, как волк.

Откуда были эти звуки?
Сокрытое от всех людей
Путем таинственной науки,
Казалось, вызвал чародей.

Вдохнувши страсть в свой стих железный,
Вонзавший в сердце сотню шпаг,
Он Эвридику звал из бездны,
Елены призрак оживлял.

Но образ дщери лебединой
Терялся в сумраке, а я
Усвоить мнил твой ум змеиный,
Доспехи бранные куя.

Да, ты мне грудь наполнил ядом,
Клигзор, но помнишь ли ту ночь,
Когда рождалась с нами рядом
У графа Вартбургского дочь?

И, как пчела вонзает жало,
Ты острый взор вперил туда,
Где лучезарная сияла

Над замком Вартбургским звезда.

Елена спит в Лакедемоне.
Ее пленительную ложь
Волшебством песенных гармоний
О, новый Фауст, не тревожь!

В Колхиде собранные зелья
Ты истощил, усталый маг,
И роковое новоселье
Тебе приготовляет мрак.

Молись же той, чей светлый жребий
Ты угадал по книге звезд:
Она давно цветет на небе
Средь Иисусовых невест.

16/23 января 1925

Дедово

Марк Тарловский

Памяти Брюсова

Тиран покорных кирпичей,
Строитель Сухаревой башни,
Ответ: ты наш или ничей,
Ты нынешний или вчерашний?

Как будто не было «вчера»,
Как будто снова метят даты
И снова противу Петра
Бунтуют вольные солдаты.

Пускай забава палача
В царе не нравится милорду —
Он рубит головы с плеча,
И клейма жжет, и лупит морду,

И башня – в память мятежа,
Покуда тешится хозяин, —
Опальный город сторожа,
Встает из северных окраин.

Здесь будет жить начетчик Брюс,
Дитя Европы легендарной,
Кому купец-великорус
Обязан книжкой календарной.

Весь век, до вечера с утра,
Прожив на Сухаревском рынке,
Немало сказок про Петра
Купец расскажет по старинке.

Небрежным сплевывая ртом
На исторический бульжник,
Он нам поведаст о том,

Как жил и умер чернокнижник.

Но, с ним по имени един,
Хоть из среды великоруссов,
– И тоже Сухаревки сын —
От нас ушел Валерий Брюсов...

Так пусть народная молва
К легендам новый сказ прибавит
И по Мещанской тридцать два
Квартиру милую прославит!

29 марта 1925

Игорь Северянин

Брюсов

Его воспламенял призывный клич,
Кто б ни кричал – ноавтор или Батый...
Немедля честолюбец суховатый,
Приемля бунт, спешил его постичь.

Вносился грозно над рутиной бич,
В руке самоуверенно зажатый.
Оплачивал новинку щедрой платой
По-европейски скроенный москвич.

Родясь дельцом и стать сумев поэтом,
Как часто голос свой срывал фальцетом,
В ненасытимой страсти все губя!

Всю жизнь мечтая о себе чугунном,
Готовый гимны петь грядущим гуннам,
Не пощадил он – прежде всех – себя...

Игорь Поступальский

Историк

Памяти В. Брюсова

Книгочием и прорицателем
В этих строгих днях я живу.
Опыт прошлого отрицать ли им,
Если связь видна наяву?

Над пергаменатами знакомей труд,
И ночами вникать легко
Ясновидящему психометру
В отдаленную мглу веков.

За пределы столетий, память, рей,
Вековой собирая мед!
Вот библейской башней (в диаметре
Непомерной) мечта встает.

От походов Киров и Дариев
Загудели поля кругом;
И гоплиты Афин ударили
На несметную рать врагов.

Рим возносит железных цезарей,
Но старинный не кончен спор,
Не над Римом ли перерезанным
Тевтобурский ликует бор.

Громоздятся замки громадами
И теснят горожан простых;
Но уже, громыхая, падают
Перед буйной чернью мосты.

Ветер дует один в упор, в лицо

От древнейших времен до нас —
Юность с миром отжившим борется
Сменой классов, сословий, каст.

Так следя в былом настоящее
(Небоскреб в душе едины
С первобытной постройкой пращура),
Я живу в этих строгих днях.

1926

Григорий Ширман

«Опять в цветах знакомый челн...»

Памяти Брюсова

Опять в цветах знакомый челн
Готов к отплытью в край незримый,
Рояль по каплям грусть прочел
О том, что люди – пилигримы.

О том, что бродят по мирам
Они с зажженными глазами
И оставляют здесь и там
Свой след горячий и упрямый.

То звон не клавишей, а волн,
Реки подземной гул глубокий...
Ему мечта была как вол,
Пахал он каменные строки.

И он работать заставлял,
И сам затепливал он страсти.
Раскройся, круглая земля,
Прими того, кто звался мастер.

Григорий Ширман

«В кругу последнем ада, где Virgiliy...»

Б.

В кругу последнем ада, где Virgiliy
Почил и Дант, покорный ученик,
Испуганно к учителю приник,
Блуждает дух певца, чей прах в могиле.

Шумят рабы, от их певучей гили,
Похожей не на песню, а на крик
Вчерашних схимников, сейчас расстриг,
Ушные раковины наши сгнили.

Лишь тот, кто знал могучий бег миров,
Был холодом прекрасен и суров,
Он в мраке глаз хранил огонь агата,

На дне качались тени всех времен,
На черном дне, что мудростью богато.
Он был поэт, который был умен.

<1926>

Иван Рукавишников

Брюсов

(стих напевный)

Ах, город, город, город, город.
Зловещих ямбов стук.
Кто там в окно выглядывает?
Недруг или друг?

Город, город, город, город —
Мчащийся хорей.
Раз, два, три, четыре.
Eins, zwei, drei.

В городе поэзия! ха-ха-ха.
Здравствуй, чорт.
С грузом железного стиха
Плывем в последний порт.
Богов забудем.
Стальными будем.
Плывем, плывем в последний порт.

Город. Брюсов. Брюсов. Город.
Поэт Валерий, эй!
Закрутился чортов ворот.
Eins, zwei, drei.

Рим и Эллада,
И Лель и Лада, —
Ах, все не надо,
Ах, все прощай.

Брюсов. Город. Город. Брюсов.
Eins, zwei, drei.
Где нет ни минусов, ни плюсов,
Туда гони скорей

Ладью, Борей.

Но наша память,
Людская память,
Везде, где пламя.
А ты и пламя,
Ушедший брат.

<1926>

Макс Кюнерт

В.Я. Брюсов

Палач, себя пытать готовый,
Стихосложения кузнец,
Ваятель мысли, скульптор слова,
Схоласт, мечтатель и мудрец.

Он, всех соблазнов искусивший,
Испробовавший всех отрав,
Поочередно мудро пивший
То зелье книг, то зелье трав.

И, через все пройдя соблазны
Земных и inferнальных сил,
Он благовонья и миазмы
В своих размерах накопил.

Под мерный трепет опахала
Им, опьяненным, в чутких снах
Истома страсти познавалась
На мягких шкурах россоммах.

А после сладостной истомы
Слова бессмертных мертвецов
Прилежно собирал он в томы
И видел вечности лицо.

Он в поклоненье разным верам
То вспыхивал, то вновь стихал.
Кую ему привет размером
Его державного стиха.

Яков Городской

К портрету Валерия Брюсова

Мы в прах былое наше рубим,
Но ты нам дорог, и таким,
Каким тебя рисует Врубель,
Мы крепко в памяти храним.

Я шел к знаменам, к бурям, к битвам,
Был этот путь тебе не нов.
Я у тебя учился ритмам
И точной ковке строгих слов.

Сюртук. Суровость. Отзыв юным,
Идущим к берегам другим,
И песня о грядущих гуннах,
И грозному кинжалу гимн.

И муза – не мечта, не фея —
Натруженный, покорный вол...
Своим бесстрашьем страстно вея,
Ты к городу меня привел.

А там трофеями досталось:
Огни, авто, громовый груз,
И скверов ранняя усталость,
И каменщика злая грусть.

Старье бесилось, мертвых вызвав,
Легла туманная межа,
И синий сумрак символизма
Тебе вперед глядеть мешал.

А после дни – как солнце, жарки,
И Кремль увидел ты иным,
Из пулеметной ленты Парки

Сплели незримо нить войны.

От дряхлого Ассаргадона
Ты к Ленину ушел тогда
И влил в колеблемое лоно
Холодно-огненный свой дар.

Под звоны буйного рассвета
Мы встретили – рука к руке —
Тебя, мыслителя, поэта
И каменщика в сюртуке.

Идем и в прах бывшее рубим,
Но Брюсов с нами, и таким,
Каким тебя рисует Врубель,
Мы крепко в памяти храним.

<1929>

Андрей Белый

Брюсов *Сюита*

1.

Свисты ветряных потоков,
Рвущих черный плащ.
Тучи мороками рока
Вспучил горный хрящ.

В тьмой объятую стремнину
Маг, объятый тьмой,
Бросил белую лавину...
Шаг оборван мой.

Из-за скал, как клетот злого,
Горного орла, —
Бьет магическое слово
В сердце, как стрела.

Взвивший молнийные муки
Мертвой головы,
Мертвый маг, сложивший руки,
Вставший в выси, — вы.

1903,1929

Москва

4.

Разрывая занавески,
Ветер – винт перевертной —
Кружевные арабески

Завивает надо мной.

Плещут тюлевые шторы;
Тени ползают в окне,
Как невидимые воры
В душном, обморочном сне.

Ты ль, вытягиваясь в нише,
Пылью пепельною встав, —
Под железный желоб крыши
Взвил невидимый состав?

Ты ль, скривляясь тенью злою,
Губы к уху перевлек, —
Черной, морочной полою
Перерезав потолок?

Словно вздох, зефира тише,
Словнодох небытия, —
Легколепетней, чем мыши,
Легколепетное: —
«Я!»

Сгинь, — покоя не нашедший,
Оболгавший свой позор, —
Бестолковый, сумасшедший,
Теневой гипнотизер!

В синем дыме папиросы
Встали синие персты;
Прожужжали, словно осы:
«Сгинем, —
— Минем —
— Я —
— И ты!»

Борис Зубакин

Кантата Валерию Брюсову, автору «Венка» и «Грядущих гуннов», к десятилетию со дня смерти

Учитель молодых поэтов,
Трибун Советов и поэт,
Ты в толще книг искал ответов,
Но в песне лишь нашел ответ.

И твой венок в веках не вянет.
Идет к всезнанью мнимый «гунн»
И песней он тебя вспомянет —
Поэт, Учитель и Трибун.

13 ноября 1934

Георгий Шенгели

Валерий Брюсов

Подобен панцырю затянутый сюртук,
Подобен мрамору воротничок сорочки,
Скульптурно-четок слом скрещенных цепко рук, —
И бронзою звенят и тяготеют строчки...

В гортанном клетоте всегда каленых слов,
В пантерьем отблеске зрачков неугасимых
Вилось предчувствие грядущих катастроф
И скорбь о рухнувших Ассириях и Римам.

Как резонатором, огромная душа
На гуды всех эпох стозвучно отзывалась
И, всеми горями и дымами дыша,
Тяжелой поступью столетий любовалась.

И в повседневности, среди обычных дел,
Умела находить рубеж, накал, кипенье, —
Вдоль черной пропасти прочерченный предел,
За коим страстный бред иль пытка преступленья.

Так в жизни будничной он «трепет без конца»
Постиг, и подстерег, и окунулся в трепет, —
И в нас вливалась дрожь, и прядали сердца,
Когда, бывало, он, читая, руки сцепит,

Как бы сдавив огонь и молнию взнуздав...
И в годы гневные, когда его Россия
Тряслась до самых недр, потоком алых лав
Сметая и круша преграды вековые,

Не мог он не пойти навстречу лаве той,
Не мог не сделаться «напевом бури властной»
И лиру не сложить к ногам страны родной,

Преображенной и прекрасной.

1939

Надежда Павлович

Валерий Брюсов

Желтеющие проседью усы...
Монгольского лица скуластый треугольник...
И молодой поэт стоит пред ним, как школьник.
– Всегда учитесь! – Смотрит на часы: —
Пора теперь мне в Книжную палату! —
Неяркий свет улыбки суховатой.

1939

Григорий Ширман

«Скажите мне, где проживает некий...»

Скажите мне, где проживает некий
Валерий Брюсов, у меня к нему
Есть дельце, хоть он, кажется, в дыму
Подземном ада и умолк навеки!

Ужели в Лете он? Умел он реки,
Что орошают ад, пройти, во тьму
Столений взор вперив, – я все приму
Науки меры, он откроет веки!

Вот кто бы рецензентом был моим!
Я по душе поговорил бы с ним
О том о сем, коснулся б, между прочим,

И наших дней, он всех времен знаток...
Историки, мы всё назад пророчим,
А от грядущего мы наутек!

7 июля 1947

Вадим Борисовский

Памяти В.Я. Брюсова

Тебя всем сердцем назову
Арбитром рифм, и строф, и вкусов,
И память о тебе я чту,
Великий мэтр – Валерий Брюсов.

Как скромный плющ над прахом милым —
Я, твой безвестный ученик,
От юных лет и до могилы
К тебе, учитель мой, приник.

От поэтических талмудов,
От скверны пишущих людей —
Меня лишь ты спасаешь, мудрый
И вдохновенный чародей.

Вторая жизнь в волшебном сне
Людских не ведает укусов...
Пусть тень твоя живет во мне —
Учитель мой, Валерий Брюсов.

<1949>

Моисей Альтман

Брюсов Валерий

*В Помпею я вступал, как странник в отчий дом,
Был снова римлянин, всходя на римский форум.*

В. Брюсов

Не в том ли дара Брюсова разгадка,
Что каждой строчки строгим аргументом,
И крепью строф, и цепким их цементом
Он образец античного порядка,

А если и порой, до новшеств падкий,
Талант свой подвергал экспериментам,
В них более, чем русским декадентом,
Он римлянином был времен упадка.

Как имя италийское Валерий
И книг именованье по латыни
Камене соответствуют поэта,

Творенья чьи, от оды до сонета,
Напоминают римские твердыни
На гранях полуварварских империй.

23 декабря 1953

Иосиф Кунин

Памяти В.Я. Брюсова
(1924—1954)

*Жанне Матвеевне Брюсовой
с глубоким уважением*

Треть века. Смена поколений.
А кажется мне, Мастер, лишь вчера
Я видел Ваш высокий мудрый лоб
И скул крутой, могучий поворот,
И желтизну прокуренных усов,
И взгляд, то детски-робкий, то горячий,
Сухой и пламенный, усталый и летящий.

Треть века! Покорен упрямый атом.
Осделан полюс. Древний дровосек,
Отважный мореплаватель вселенной
Готовится к полету в звездный мир.
Встает из праха юноша-Китай,
Виясь, срastaются за Эльбой кольца Змея,
Над золотом колдует царь Кощей.

Как изменилась старая Земля!
Неузнаваемо! Кровавый сев
Взошел стократы страшным урожаем
И сжат в урочный час. И снова зреют
В глубоких бороздах немые семена
Грядущих бед. Не приведи Господь
Увидеть жатву.
Смена поколений!

Ушли из жизни зоркие титаны,
Мыслители, провидцы и поэты,
Подвижники, льстецы и славолюбцы,
Рабочие в давно слинявших кепках,

Бойцы в остроконечных шлемах
И девушки, суровые на вид.
Не тот и я. Третью века серебрится
Постылым инеем на горестных висках,
Бежит промоинами меж бровей
И сушит сердце поздним сожаленьем.

Но нет, ученику не позабыть,
Из памяти не выжечь, не утратить
Того, чему Вы, Мастер, нас учили:
Ни строгого, как истина, искусства,
Ни праздничного вдохновенья мысли,
Летящей сквозь века и поколенья
От Атлантиды до грядущих дней.

9 октября 1954

Николай Воробьев

«Что это там, где искр летят каскады...»

Что это там, где искр летят каскады,
Где пламени ужасен в небо взлет?
Чей пот с чела на рифмы льется градом,
Чей неустанный это молот бьет?

У вздутых нагнетающих мехов —
Искусный зодчий кованных стихов,
Но и певец напыщенных феерий.
Поэт, но и ремесленник Валерий.

Нам есть за что его благодарить:
За трубный звук, «латинской меди зов»,
За то, что жар сумел во многих влить
Чудесный мастер сочетаний слов.

За высоко засученный рукав,
За адский труд, за бой с упрямой Музой,
За то, что битву не считал обузой,
За то, что дрался, крепости не сдав.

Но есть и «но»... Прекрасное начало,
Однако, есть в конце большой изъян:
Ведь вместо муз на трон его венчало
«Правительство рабочих и крестьян»!

Признателен и Пушкин. Даже очень —
За дерзкий подвиг. Все лишь потому,
Что дописал «Египетские ночи»,
Повергнув их в египетскую тьму.

Георгий Адамович

«Ничего не забываю...»

Ничего не забываю,
Ничего не предаю...
Тень несозданных созданий
По наследию храню.

Как иголкой в сердце, снова
Голос вещей услышать,
С полувзгляда, с полуслова
Друга в недруге узнать.

Будто там, за далью дымной,
Сорок, тридцать, – сколько? – лет
Длится тот же слабый, зимний,
Фиолетовый рассвет,

И как прежде, с прежней силой,
В той же звонкой тишине
Возникает призрак милый
На эмалевой стене.

Примечания

В основу настоящего сборника положены принципы исследования и публикации Ю.М. Гельперина «Блок в поэзии его современников» (ЛН. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 3. М., 1982): в него включены имеющие посвящения Брюсову стихотворения его современников, которые при жизни поэта были или могли быть его читателями (т. е. родились не позднее 1908 г., достигнув 16-летия в год смерти Брюсова). Дополнительно учтены (хотя, вероятно, не полностью) произведения, не снабженные формальными посвящениями, когда известно, что они адресованы Брюсову: посвящения опускались авторами, если стихи посылались в качестве письма или если обнародование посвящения по каким-либо причинам было нежелательным. Не учтены требующие отдельного изучения: стихотворения с эпиграфами из Брюсова; пародии, эпиграммы и шуточные стихи; тексты иностранных авторов, в том числе написанные на русском языке.

По данным составителя, на момент выхода книги опубликованная поэтическая «брюсовиана» насчитывает 193 текста, включая ряд циклов с общим посвящением, 100 авторов (предварительная публикация списка: Библиография. 1994. № 6). Настоящее издание включает 132 текста 82 авторов, в том числе 1 стихотворение Георгия Адамовича, не входящее в свод «брюсовианы»; 2 стихотворения Николая Минаева и Веры Ключевой публикуются впервые. Для сборника отобраны произведения, не просто посвященные Брюсову, но, как правило, непосредственно обращенные к нему или содержащие его «портрет»; формальные посвящения в знак дружеского уважения и внимания стоят над многими стихотворениями, в которых однако никак не отразился образ адресата. Цель сборника именно в том, чтобы показать, каков был в восприятии современников личный и литературный облик Брюсова.

Необходимость соблюдения пропорций в отборе текстов диктовала, с одной стороны, расширение круга авторов за счет малоизвестных или вовсе неизвестных поэтов, с другой – ограничение числа произведений тех авторов, которым принадлежит наибольшее число посвящений (К. Бальмонт, Вяч. Иванов, Игорь Северянин). Стихотворения расположены в хронологическом порядке, однако в ряде случаев он приближителен, т. к. точные даты написания многих текстов неизвестны (они датируются, как правило, по первой публикации). В примечаниях приводятся краткие

сведения об авторах (исключая общеизвестные персоналии), указываются первая публикация и принятый в настоящем издании источник текста, если он отличается от первой публикации, даются необходимые краткие пояснения историко-литературного или реального характера. Примечания даны по алфавиту авторов в порядке следования стихотворений в сборнике. Публикации составителя отмечены астериском (*).

Приношу благодарность В.И. Безъязычному, А.В. Бурлешину, СЕ. Зенкевичу, В.П. Крейду, М.В. Орловой, Б.И. Романову и А.Л. Соболеву, сообщившим мне ряд текстов и ценных сведений.

В примечаниях приняты следующие сокращения:

Валерию Брюсову – Валерию Брюсову. 1873—1923. Сборник, посвященный 50-летию со дня рождения поэта. М., 1924.

ВБ – Венок Брюсову. СПб., 1993 (первое издание настоящей книги);

ИМЖ – Валерий Брюсов. Из моей жизни. Автобиографическая и мемуарная проза. М., 1994.

ЛН – Литературное наследство. М., 1931– (издание продолжается);

НН – Валерий Брюсов. Неизданное и несобранное. М., 1998;

РГБ – Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва);

РНБ – Отдел рукописей и редких книг Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург).

Абельдяев Дмитрий Алексеевич (1865—1915) – прозаик. * *«Поэт-сладкопевец, не зная меня...»* // НН. С. 196 (по копии И.М. Брюсовой в РГБ). Стих, связано с участием Брюсова в редактировании и публикации романа Абельдяева «Тень века сего. Записки Абашева» в журнале «Русская мысль» (1912, №№ 6-12; сокращенный вариант), где Брюсов заведовал литературным отделом; предположительно датируется по времени выхода отдельного, полного издания романа, в предисловии к которому автор обрушился с упреками на редактора «Русской мысли» П. Б. Струве (но не на Брюсова) за несанкционированное сокращение текста.

Адалис (псевдоним Ефрон Аделины Ефимовны; 1900—1969) – поэтесса, переводчица; последняя любовь Брюсова, главный адресат его лирики с 1920 г. **«Уходит нежный день с повинной головою...»* // Волга. 1992. №4. С. 115 (по автографу РГБ); последние две строки этого стих. Брюсов взял эпиграфом к стих. «Шаги Афродиты» (21 июля 1920). **«Вверх голубым дном...»* // ВБ. С. 97 (по автографу РЫБ).

Адамович Георгий Викторович (1892—1972). *«Ничего не забываю...»*

// Адамович Г. На Западе. Париж, 1939; печ. по: Адамович Г. Единство. Стихи разных лет. Нью-Йорк, 1967. С. 47. Стих, формально не посвящено Брюсову, но представляется составителю наиболее удачной концовкой свода поэтической «брюсовианы». Реминесценции из стих. Брюсова «Творчество» (1894).

Аксенов Иван Александрович (1884—1935) – поэт, литературный и художественный критик, переводчик и исследователь английской драматургии; в 1923 г. возглавлял Всероссийский союз поэтов. *Валерию Брюсову* («*Пятьдесят лет. У Скинии Завета...*») // Валерию Брюсову. С. 66—67. Реминесценции из стих. Брюсова «Довольным» (18 октября 1905). Трахиты – горная порода.

Альтман Моисей Соломонович (1896—1986) – поэт, филолог-классик. *Брюсов Валерий* («*Не в том ли дара Брюсова разгадка...*») // Altman M. The Undying Swan. Selected Poems. Dallas, 1976 (на русском языке); печ. по: Альтман М.С. Разговоры с Вячеславом Ивановым. СПб., 1995. С. 324—325. Эпиграф из неоконченного стих. Брюсова «Я в море не искал таинственных Утопий...» (1913) (с разночтениями).

Амари (псевдоним Цетлина Михаила Осиповича; 1882—1945) – поэт, прозаик, редактор, издатель; деятель партии эсеров, с 1907 г. в эмиграции (кроме 1917—1918 гг.). «*Огненный ангел*» Валерия Брюсова («*Как полноводный Рейн, течет рассказ...*») // Amarie. Лирика. Кн. 2. [Париж], 1912. С. 85.

Анненский Иннокентий Федорович (1855—1909). *Валерию Брюсову* («*То шелестящему листови...*») // Л.Н. Т. 27/28. М, 1937. С. 670. Инскрипт на кн.: Анненский И.Ф. Книга отражений. СПб., 1906 (библиотека Брюсова в РГБ). Никто (вариант: Ник. Т-о) – псевдоним Анненского, под которым он выпустил первый сб. стих. «Тихие песни» (1904).

Анфилов Глеб Иоасафович (1886—1938) – поэт, участник «четвергов» Брюсова в 1913—1914 гг. **В.Я. Брюсову* («*Вы хотите, чтоб гунны и готы...*») // НН. С. 196—197. Эпиграф из стих. Брюсова «Грядущие гунны» (осень 1904; 30 июля – 10 августа 1905).

Бальмонт Константин Дмитриевич (1867—1942). «*Только ты в мой ум проник...*» // Л.Н. Т. 98. Кн. 1. М., 1991. С. 128. Послано Брюсову из Оксфорда; дата по новому стилю. Подпись – Лионель, один из псевдонимов Бальмонта, заимствованный из стих. П.Б. Шелли «Лодка на Серкио» (1821); в конце 1890-х годов получило известность стих. М.А. Лохвицкой «Лионель», обращенное к Бальмонту. *Валерию* («*Тебе, единственный мой брат...*») // Там же. С. 786. Инскрипт на кн.: Шелли. Полное собрание сочинений в пер. К.Д. Бальмонта. Т. 1. М., 1904 (библиотека Брюсова в

РГБ). *Валерию Брюсову* («Да, быстро, тотчас я хочу...») // Там же. С. 155. Послано Брюсову с припиской: «Через пять минут после твоего ухода». *Моему единственному брату Валерию Брюсову* («Кто верит в свое вдохновение...») // Там же. С. 152. Инскрипт на кн.: Бальмонт К. Только любовь. М., 1903 (библиотека Брюсова в РГБ). *Валерию Брюсову* («Как разлюбить Ассаргадона...») // Там же. С. 787. Инскрипт на кн.: Шелли. Полное собрание сочинений в пер. К.Д. Бальмонта. Т. 2. М., 1904 (библиотека Брюсова в РГБ). «Где же ты, святыней клявшийся...» // Там же. С. 172. Послано Брюсову из Парижа; дата по новому стилю. Брюсов ответил стих. «Равному» (22 марта 1906). *Два сонета. Валерию Брюсову. В ответ на его сонет в «Северных цветах» 1911 года: 1. «Мы встретились на утре наших дней...». 2. «Но где же, солнце, ты? Уж я не знаю...»* // Там же. С. 227—228. Послано Брюсову из Франции; дата по новому стилю. Ответ на стих. Брюсова «К.Д. Бальмонту» (1909); Бальмонт поблагодарил Брюсова за посвящение и послал «ответный привет», предназначавшийся для «Русской мысли», однако его стих, не были опубликованы. *Валерию Брюсову* («В те дни, когда мы были двое...») // Москва. 1920. №4. С. [2]. Ответ на стих. Брюсова «К.Д. Бальмонту 1919 года» (22—23 февраля 1919), помещенное в предыдущем номере журнала. По мнению В.Ф. Маркова, к Брюсову обращено стих. «Ожесточенному» в сб. «Горящие здания» (Markov V. Kommentar zu den Dichtungen von K.D. Balmont. 1890—1909. Köln, 1988. S. 117—118).

Белый Андрей (псевдоним Бугаева Бориса Николаевича; 1880—1934). *В.Я. Брюсову* («Я в свисте временных потоков...») // Альманах книгоиздательства «Гриф». М., 1903. С. [44]. *Старинному врагу* («Ты над ущельем, демон горный...») // Вопросы жизни. 1905. № 3. С. 100. Написано в период наибольшего ухудшения отношений поэтов, ознаменованного, по словам Белого, «вызовом на умственную дуэль»: Белый отвечает (впрочем, проставив в печати только инициалы адресата) на стих. Брюсова «Бальдеру Локи» (ноябрь 1904), опубликованное (Северные цветы Ассирийские. М., 1905) с посвящением «Андрею Белому». Стих. Брюсова (без посвящения) вошло в сб. «Stephanos»; Белый свое стих. не перепечатывал. *В. Брюсову. 1. Поэт* («Ты одинок. И правишь бег...»). 2. *Созидатель* («Грустен взор. Сюртук застегнут...»). 3. *Маг* («Упорный маг, постигший числа...»). 4. *Встреча* («Туманы, пропасти и гроты...») // Белый А. Урна. М., 1909. С. 15—22. Цикл открывал сб., имевший посвящение «Валерию Брюсову». Ранний вариант первых трех стих.: диптих «Одинокий» // Весы.

1906. № 8. «Встреча» – ответ на стих. Брюсова «Андрею Белому» (1909). Брюсов. *Сюита. 1. «Свисты ветряных потоков...» 4. «Разрывая*

занавески...» // Белый А. Стихотворения и поэмы. Л., 1966. С. 513—516 (цикл «Черч теней» в неопубликованном сб. «Зовы времен»). Кардинально переработанный и частично написанный заново (только стих. 2 и 6 воспроизводят, с небольшими изменениями, стих. «Созидатель» и «Встреча» из сб. «Урна») вариант цикла «В. Брюсову», отражающий изменения как в творческой манере Белого, так и в его отношении к Брюсову (ср. писавшиеся одновременно с «сюитой» воспоминания «Начало века»),

Бернер Николай Федорович (1890—1969) – поэт; с 1942 г. в эмиграции. В автобиографии писал: «Валерий Брюсов был моим другом и первым наставником в творческих исканиях и опытах» (Содружество. Нью-Йорк, 1967. С. 510—511). Бернеру посвящены два акростиха Брюсова: «Немеют волн причудливые гребни...» (1912) и «Над мирным морем ласково-недвижен...» (9 мая 1912). *В. Брюсову («Брюсов – певец, из мастеров терпеливейший мастер...»)* // Бернер Н. Осень мира. Киев, 1922. С. 7.

Блок Александр Александрович (1880—1921). *Валерию Брюсову. При получении «Зеркала теней» («И вновь, и вновь твой дух таинственный...»)* // Русская мысль. 1913. № 4. С. 3. Экземпляр третьей книги «Собрания стихотворений» Блока (1912) с этим стих. в качестве инскрипта был послан Брюсову; позднее находился в собрании Э.П. Григолюка (Москва).

Бобров Сергей Павлович (1889—1971) – поэт, прозаик, литературный критик, стиховед, переводчик. *Spiritus («Ты – оковами звенящий...»)* // Весна. 1908. № 9. С. [7]. Подпись: С. Яншин; первое выступление Боброва в печати. *Валерию Брюсову («Когда душою угнетенною...»)* // Бобров С. Вертоградари над лозами. М., 1913. С. 125—126.

Борисовский Вадим Васильевич (1900—1972) – альтист, профессор Московской консерватории, поэт. **Памяти В.Я. Брюсова («Тебя всем сердцем назову...»)* // НН. С. 204—205. Датируется по сборнику стих. Борисовского «Зеркал волшебный круг» (М., 2012).

Брихничев Иона Пантелеймонович (1879—1968) – поэт, публицист, священник (позднее сложил с себя сан), один из лидеров группы «голгофских христиан». *В. Брюсову («Когда в Поэзии родимой...»)* // Брихничев И. Осанна. Вторая книга стихов. Одесса, 1914. С. 14—15.

Булдеев Александр Иванович (1885—1974) – поэт, журналист, редактор; с 1943 г. в эмиграции. * *Астролог («На высокой башне белой...»)* // Новый журнал (Нью-Йорк). Кн. 231. Июнь 2003. С. 144—146 (по автографу РГБ). Приложено к письму (15 февраля 1910), в котором автор напомнил Брюсову о посланной ему ранее книге стихов «Потерянный

Эдем» (1910) и просил о встрече; состоялась встреча или нет, неизвестно, но Брюсов откликнулся на книгу благожелательной рецензией (Русская мысль. 1910. № 4) и перепечатал ее в сборнике «Далекие и близкие» (1912).

Вериго Магдалина Брониславовна (1891—1994) – поэтесса, художница; в 1912 г. стала лауреатом поэтического конкурса им. Надсона, в жюри которого состоял Брюсов. *«В его усталом вдохновеньи...»// НН. С. 197.

Верховский Юрий Никандрович (1878—1956) – поэт, переводчик, историк литературы. *Валерию Брюсову. На книгу «Все напевы» («Познавший грез, веков, народов...»)* // Верховский Ю. Струны. Собрание сочинений. М., 2008. С. 486.

Владимирова С. * *Валерию Брюсову: <1> «Валерий милый, сердца строки...». <2> «Сны переменные порывны...». <3> «Ловец в пучине бытия...». <4> «Я – твой демон, я – эриния...»* // НН. С. 199—202 (по автографу РГБ). Послано Брюсову по почте с надписью на конверте: Поэту Валерию Яковлевичу Брюсову (под личную расписку); обратный адрес: Москва. Почтамт. До востребования. Сведениями об авторе не располагаем – есть основания предполагать, что это мистификация. Датируется 1912 г. как возможный отклик на сборник стих. Брюсова «Зеркало теней» (вышел в марте 1912 г.), из стих, которого взяты все эпитафии: «Родной язык» (31 декабря 1911), «Идут года. Но с прежней страстью...» (1911), «Веселый зов весенней зелени...» (1911; первые две строки стих. Владимировой – незакавыченная цитата из того же стих.); четвертое стих. – парафраз стих. Брюсова «Ты – мой демон, ты – эриния...» (1910; 1911) с прямыми цитатами из него.

Волкович Анатолий Сергеевич (1897—1937) – поэт, переводчик, участник литературного объединения «Майна» при киевской газете «Пролетарская правда». **Многоликий. Сонет-акростих («В пещерах древних снов затворник – и пророк...»)* // ВБ. С. 100—101 (по автографу РГБ). Прислано в числе поздравлений к 50-летию Брюсова, упомянуто: Валерию Брюсову. С. 84.

Волошин (Кириенко-Волошин) Максимилиан Александрович (1877—1932). ...*Когда время останавливается («По ночам, когда в тумане...»)* // ЛН. Т. 98. Кн. 2. С. 286—287. Первая редакция стих., посланная Волошиным Брюсову 1 ноября 1903 г. из Коктебеля с припиской: «Позвольте мне в память наших весенних разговоров посвятить Вам это стихотворение, первые строфы которого я читал Вам еще в Москве». Первая публикация с посвящением: Волошин М. Стихотворения. 1900—1910. М., 1910. С. 39—40 (без заглавия; заключительное стих, цикла «Когда

время останавливается»); ранее без посвящения: Северные цветы Ассирийские. М., 1905; оба текста с незначительными разночтениями по отношению к приведенному.

Воробьев Николай (псевдоним Богаевского Николая Николаевича; 1908—1989) – поэт; с 1920 г. в эмиграции. *«Что это там, где искр летят каскады...»* // Воробьев Н. Стихи о разном. Pebble Beach, Calif., 1969. С. 101—102 (цикл «Гул окаянный»).

Гербстман Александр Иосифович (1900—1982) – поэт, литературовед, шахматист; с 1965 г. в эмиграции. *Валерию Брюсову. Сонет-чаша к 50-летию («В тиши больших веков ствол мира обвивая...»)* // Валерию Брюсову. С. 69. Пример фигурного стихотворения в духе поздних римских поэтов, творчество которых изучал и пропагандировал Брюсов.

Гиппиус Зинаида Николаевна (1869—1945). *«Валерий, Валерий, Валерий, Валерий...»* // Новый путь. 1903. № 6 (в статье «Два зверя»); печ. по: Антон Крайний (З. Гиппиус). Литературный дневник (1899—1907). СПб., 1908. С. 104—105. Иронический парафраз стих. К.Д. Бальмонта «Ветер» (1903). *Сообщники («Ты думаешь, Голгофа миновала...»)* // Гиппиус З. Собрание стихов. 1889—1903. М., 1904. С. 163—164. Первоначально было посвящено Андрею Белому.

Городецкий Сергей Митрофанович (1884—1967). *Валерию Брюсову («В те годы, в страшные те годы...»)* // Стык. Первый сборник Московского Цеха Поэтов. М., 1925. С. 74—75 (цикл «Стихи ушедшим»); с некоторыми изменениями в сб. «Грань» (1929). Эпод – в древнегреческой трагедии, заключительная часть гимна, исполняемая хором перед жертвенником. Рутения – Русь.

Городской Яков Зиновьевич (1898—1966) – поэт, критик. *К портрету Валерия Брюсова («Мы в прах былое наше рубим...»)* // Красное слово. (Киев). 1929. № 7. С. 33—34.

Гофман Виктор (Виктор-Балтазар-Эмиль) Викторович (1884—1911) – поэт, прозаик, критик. О его отношениях с Брюсовым см. очерк последнего «Мои воспоминания о Викторе Гофмане» и комментарии к нему: ИМЖ. С. 182—197, 253—255. *Валерию Брюсову («Могучий, властный, величавый...»)* // Северные цветы. Альманах третий. М., 1903. С. 122. Брюсов посвятил Гофману стих. «Прими послание, о Виктор...» (март 1903), написанное на обороте подаренной ему фотографии (РГБ).

Григорьев В. Сведениями об авторе не располагаем. Стих, было послано «самотеком» в журнал «Весы». *Поэт («Твои глаза – тоска агата...»)* // Гречишкин С.С. Архив С.А Полякова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1978 год. Л., 1980. С. 22.

Дембовецкий Василий Эдуардович (1885—1944) – поэт, педагог. *Валерий Брюсов («Торжествен, строг и строен, как фронтон...»)* // Артемовец. (Сталино). 1926. № 1. С. 17—18 (цикл «Поэты» из готовившегося к печати, но не вышедшего сб. «Грани Мелькарта»). Курсивом выделены заглавия книг Брюсова («В те дни» – читай: «В такие дни»). Примечательны многозначительные строки о Брюсове как о «кремлевском оракуле».

Есенин Сергей Александрович (1895—1925). *Памяти Брюсова («Мы умираем...»)* // Заря Востока. (Тифлис). 1924. 11.10.

Захаров-Мэнский Николай Николаевич (1895—1942)-поэт, участник группы «неоклассиков». *Памяти Валерия Брюсова («Два долгих дня, две долгих ночи...»)* // Захаров-Мэнский Н. Маленькая лампа. М., 1926. С. 38.

Зубакин Борис Михайлович (1894—1937) – поэт, археолог, деятель ордена розенкрейцеров; в первой половине 1930-х годов дописал неоконченный роман Брюсова «Юпитер поверженный» (не опубликовано; рукопись в архиве Брюсова в РГБ). *«Вдали от злобственных укусов...»*// Немировский А.И., Уколова В.И. Свет звезд, или Последний русский розенкрейцер. М., 1994. С. 129—131; публикаторами датировано временем последней болезни Брюсова. Башня – Сухарева башня (построена в 1692—1695 гг. по приказу Петра I; снесена в 1934 г.) в Москве, на Сухаревской площади, от которой начиналась 1-ая Мещанская улица (ныне проспект Мира), где в доме 32 с 1910 г. жил Брюсов. При Петре I в Сухаревой башне находились математическая и навигацкая школы, обсерватория и библиотека, связанные с именем сподвижника Петра I Якова Виллимовича Брюса (1670—1735), шотландца по происхождению. Брюс пользовался славой колдуна и чернокнижника, которая надолго пережила его (см. например повесть А.В. Чаянова «Необычайные, но истинные приключения графа Федора Михайловича Бутурлина» (1924)); достоверных сведений об организации им в России масонской ложи нет. Тиртей (2-ая пол. VII в. до н. э.) – древнегреческий поэт, жил в Спарте; воспевал храбрость спартанских воинов. *Брюсову («И Ангел Огненный сказал ему: «Восстань!»...»)* // Стык. Первый сборник Московского Цеха поэтов. М., 1925. С. 85. Прочитано на вечере памяти Брюсова в литературном объединении «Никитинские субботники» 15 ноября 1924 г. (запись Н.Н. Розанова: ЛН. Т. 85. С. 760). **Кантата. Валерию Брюсову, автору «Венка» и «Грядущих гуннов», к десятилетию со дня смерти («Учитель молодых поэтов...»)* // Библиография. 1994. № 6. С. 104 (по автографу РГБ).

Иванов Вячеслав Иванович (1866—1949). *Valerio Vati («Здесь вал, мутясь, непокоривой...»)* // Иванов Вяч. Прозрачность. Вторая книга

лирики. М., 1904. С. 86 (цикл «Современники»). *Ему же («Твой правый стих, твой стих победный...»)* // Там же. С. 87—88. Вскоре после знакомства Иванов и Брюсов обменялись стихотворными посвящениями; стих. Брюсова «Вячеславу Иванову» (16 ноября 1903) открывало его сб. «Stephanos», посвященный «Вячеславу Иванову, поэту, мыслителю, другу». «О сильный Лиры! Ты, чьи сны необычайны...» // ЛИ. Т. 27/28. С. 672. Инскрипт на кн.: Иванов Вяч. Прозрачность. М., 1904 (библиотека Брюсова в РГБ). *Mi fur le serpi amiche («Уж я топчу верховный снег...»)* // Северные цветы Ассирийские. М., 1905. С. 37—38. Заголовок – цитата из «Божественной комедии» Данте (источник указан в подзаголовке). *Валерию Брюсову («О Тайн ключарь, проникший руны...»)* // Северные цветы Ассирийские. М., 1905. С. 41. Посвящение к циклу «Carmen saeculare». «Венок» («Волшебный бледный *Urbi pel et Orbi...*») // Иванов Вяч. *Cor ardens*. 4.1. М., 1911. С. 141. Ответ на указанное выше стих. «Вячеславу Иванову» из сб. «Stephanos». «Лев крылатый, ангел венекийский» – статуя перед собором Св. Марка в Венеции, символ города; ср. стих. Брюсова «Лев святого Марка» (9/22 июня 1902). Барбитон – древнегреческий музыкальный инструмент, род лиры. Теорба – лютня. «Как листья ветр, – у Вечности преддверий...» // ЛИ. Т. 85. С. 545. В письме к И.М. Брюсовой от 30 ноября 1924 г. из Рима, в ответ на ее просьбу сложить «современную молитву» памяти Брюсова.

Ильинский (Ильинский-Блюменау) Александр Адольфович (1885—1971) – поэт, исследователь творчества Брюсова, многолетний помощник И.М. Брюсовой. *«В тысячеголосном уличном шуме...» // НИ. С. 202. **Ultimū vale («К чему поток ненужных слое...»)* // Волга. 1992. № 4. С. 116 (по автографу РГБ).

Кириллов Владимир Тимофеевич (1890—1943) – один из наиболее известных «пролетарских поэтов». *В те дни («В те дни я отдан был снегам...»)* // Валерию Брюсову. С. 68. Кириллов вспоминает свое пребывание в ссылке в Усть-Сысольске (1907—1911) за участие в революционной деятельности; собрание стих. Брюсова «Пути и перепутья» (1908—1909) вышло как раз в это время.

Клюева Вера Николаевна (1894—1964) – поэт, переводчик, педагог. * *Памяти Брюсова («В твоих словах фиалки не цвели...»)* // Печ. впервые по автографу из частного собрания. Прочитано на вечере памяти Брюсова в литературном объединении «Никитинские субботники» 15 ноября 1924 г. (запись Н.Н. Розанова: ЛН. Т. 85. С. 760).

Койранский Александр Арнольдович (1884—1968) – поэт, журналист; с 1920 г. в эмиграции. *В. Брюсов («В немую даль веков пытливо ты*

проник...») // Альманах книгоиздательства Гриф. М., 1903. С. [76].

Корчагин Александр Иванович (1900-?) – издательский работник, заведовал редакцией классики издательства «Художественная литература»; с 1921 г. студент ВЛХИ, в 1922—1924 гг. заместитель ректора в качестве представителя от студентов. *Валерию Брюсову* («Я маленький и ничего не знаю...») // Брюсовские чтения 1971 года. Ереван, 1973. С. 632—633 (в составе воспоминаний о Брюсове). По свидетельству автора, написано «под свежим впечатлением от прочитанных тогда романов «Огненный ангел» и «Алтарь победы»».

Крючков Димитрий Александрович (1887—1938) – поэт, переводчик. *Послание Валерию Брюсову* («Была пора – бездарный мим...») // Соболев А.Л. Летейская библиотека. М., 2013 (в печати).

Кузмин Михаил Алексеевич (1872—1936). *Акростих* («Валы стремят свой яростный прибой...») // Весы. 1909. № 1. С. 19. Посвящение к повести «Подвиги Великого Александра». Брюсов ответил сонетом-акростихом «М.А. Кузмину» (24 декабря 1908), опубликованным в следующем номере «Весов». Букефал (правильнее, чем принятое: Буцефал) – конь Александра Македонского.

Кунин Иосиф Филиппович (1904—1996) – литератор, музыковед. * *Памяти В.Я. Брюсова (1924—1954)* («Третий века. Смена поколений...») // НН. С. 203—204 (по автографу РГБ).

Курсинский Александр Антонович (1873—1919) – поэт, журналист, киносценарист; друг юности Брюсова. *Пророк* («Творя господние веленья...») // Курсинский А. Сквозь призму души. Стихи и проза. М., 1906. С. 22. *Валерию Яковлевичу Брюсову* («Тебя встречая в дни расцвета...») // ЛН. Т. 98. Кн. 1. С. 355; одновременно: * Волга. 1992. №4. С. 113 (по автографу РГБ). Инскрипт на кн.: Курсинский А. Сквозь призму души. Стихи и проза. М., 1906 (библиотека Брюсова в РГБ).

Кусиков (Кусикян) Александр Борисович (1896—1977) – поэт, участник группы имажинистов; с 1922 г. в эмиграции. *Валерий Брюсов*. («Наглухо застегнутый сюртук...») // Накануне (Берлин). 1923. 16.12. Литературная неделя. С. 3. – в подборке материалов, посвященных 50-летию со дня рождения Брюсова.

Кюнерт Макс (псевдоним Гинценберга Макса Николаевича; 1896 или 1906—1938) – поэт; в конце 1920-х годов заключенный Соловецких лагерей (опубликовал статью «Валерий Брюсов» в журнале «Соловецкие острова», 1929, №3/4); в 1930-е годы жил в Магнитогорске, дописал неоконченную повесть Брюсова «Записки декабриста Малинина». **В.Я. Брюсов* («Палач, себя пытать готовый...») // ВБ. С. 124—125 (по копии РГБ). Печ. по

автографу на книге А.К. Закржевского «Карамазовщина» (Киев, 1912) с дарственной надписью «Уважаемой Жанне Матвеевне Брюсовой в память недолгих встреч. М. Кюнерт. 16/ II 1933» (ГЛМ).

Леонидов Олег (псевдоним Шиманского Олега Леонидовича; 1893—1951) – поэт, руководитель группы «неоклассиков», киносценарист. *Валерию Брюсову («Ячту его определенность...»)* // Лирика. Стихи. М., 1922. С. 18.

Логинов Иван Степанович (1891—1942) – пролетарский поэт, сатирик. *Памяти В.Я. Брюсова («Живого слова зодчий...»)* // Красная газета. 1924. 12 окт.

Луначарский Анатолий Васильевич (1875—1933). *Экспромт В. Брюсову в день его юбилея («Как подойти к Вам, многогранный дух...»)* // ЛН. Т. 82. А.В. Луначарский. Неизданные материалы. М., 1970. С. 261. Написано перед чествованием Брюсова в Большом театре 17 декабря 1923 г.; речь Луначарского на заседании: Там же. С. 245—261.

Львова Надежда Григорьевна (1891—1913) – поэтесса, переводчица; подруга Брюсова в 1911—1913 гг.; самоубийство Львовой в ноябре 1913 г. было приписано недоброжелателями (Б.А. Садовской, В.Ф. Ходасевич, С.Я. Парнок) влиянию Брюсова. *На Сайме («Сурово нас встретила старая Сайма...»)* // Львова Н. Старая сказка. Издание второе, дополненное посмертными стихами. М., 1914. С. 108. Первое издание вышло с предисловием Брюсова, опущенным во втором издании. Неподписанный эпиграф из стих. Брюсова «Сайма» (8 июля 1913); Брюсов и Львова отдыхали на озере Сайма в пансионе Рауха летом 1913 г. *«Долго шли бульваром, повернули обратно...»* // Там же. С. 116. В мемуарах «Люди, годы, жизнь» И.Г. Эренбург вспоминал: «При первой нашей встрече <в 1917 г. – В.М.> Брюсов заговорил о Наде Львовой – рана оказалась незажившей. Может быть, я при этом вспомнил предсмертное стихотворение Нади о седом виске Брюсова, но только Валерий Яковлевич показался мне глубоким стариком» (Эренбург И.Г. Собрание сочинений в 9 томах. Т. 8. М., 1966. С. 229). См. также стих. Брюсова «Памяти другой» (1920). *«Мне заранее весело, что я тебе солгу...»* // Там же. С. 120. Последнее стих. в книге «Старая сказка».

Любяр Я. (псевдоним Любича-Ярмоловича-Лозина-Лозинского Алексея Константиновича; 1886—1916) – поэт, прозаик. *Ответ на стихотворение В. Брюсова «Грядущие гунны» («Варвары, варвары грянут...»)* // Любяр Я. Противоречия. Кн. 1. Эпикуру. СПб., 1912. С. 83. «Tangere circulos poli» («Не трогай моих кругов», лат.) – по преданию, последние слова Архимеда.

Минаев Николай Николаевич (1893—1967), поэт. **Валерию Брюсову. Акrostих («Весна! Как счастлив я! Покончено с зимой...»)* // Печ. впервые по автографу РГБ. Вошло в рукописный сб. «Вторая книга стихов (1917—1921)». Приложено к письму, в котором автор просил Брюсова высказать мнение о его стихах. Брюсов ответил Минаеву стих. «Первый привет» (3 августа 1919).

Миропольский А.Л. (псевдоним Ланга Александра Александровича; 1872—1917) – поэт, участник сборников «Русские символисты»; друг юности Брюсова, разделял его увлечение спиритизмом. *Великому брату («Учитель! Жрец предания седого...»)* // Северные цветы на 1902 год, собранные книгоиздательством «Скорпион». М., 1902. С. 139.

Мочалова Ольга Алексеевна (1898—1978) – поэт, мемуарист. *Брюсову («Посторонитесь перед железным отчаяньем...»)* // Мочалова О. Голоса Серебряного века. М., 2004. С. 203. Вошло в рукописный сб. «Желанье лета (1924—1932)»; датируется по контексту.

Нетропов Максим (псевдоним Портена Максима Эрнестовича; 1886—1937) – поэт, прозаик, филателист; автор статьи «Филателистическое наследие В.Я. Брюсова» (РГБ; * фрагменты и изложение: НН. С. 248—251). *Памяти ВЛ. Брюсова («Труженник слова на славу труда...»)* // Нетропов М. Извечные шумы. Вторая книга стихов. М, 1930. С. 47.

Ольхин Н. В момент публикации стих. рабочий Госавтозавода; другими сведениями не располагаем. *Каменщику («Каменщик, ширится, выситя, строится...»)*. В Я. Брюсову // Известия. 1924. 11.10. С. 3.

Павлович Надежда Александровна (1895—1980) – поэтесса, переводчик, мемуарист. *Валерий Брюсов («Желтеющие проседью усы...»)* // Павлович Н. Думы и воспоминания. М., 1962. С. 47. Датируется по сборнику стих. Павлович «Сквозь долгие года» (М., 1977). В 1917—1919 гг. Брюсов возглавлял московское отделение Книжной палаты.

Парнок Софья Яковлевна (1885—1933) – поэтесса, критик (под псевдонимом «Андрей Полянин»); отличалась предвзятым отношением к Брюсову. *«Какой неустовый покойник...»* // Парнок С. Собрание стихотворений. Ann Arbor, 1979. С. 166. В примечаниях приведено сообщение Л. В. Горнунга, что стих. написано «под свежим впечатлением самоубийства поэтессы Н.Г. Львовой» (Там же. С. 335).

Пастернак Борис Леонидович (1890—1960). *Брюсову («Я поздравляю вас, как я отца...»)* // Валерию Брюсову. С. 65. Прочитано на чествовании в Большом театре 17 декабря 1923 г. В автографе РГБ (архив Брюсова) еще одна, заключительная строфа, перечеркнутая, видимо, самим Брюсовым, но исключенная и Пастернаком из окончательной редакции:

От сердца вам желаю дальше блюсть
Ответственности и призванья горечь.
Простите, если в строчки вкралась грусть,
Их смоем радость юбилейных сборищ,

(впервые: Брюсовские чтения 1973 года. Ереван, 1976. С. 289).

Поляков Сергей Александрович (1874—1943) – переводчик, меценат, владелец издательства «Скорпион». *Валерию Брюсову, Императору рифм («Грустью миров...»)* // ЛН. Т. 98. Кн. 2. С. 47. Печ. по воспроизведенной там же фотографии, с восстановлением отсутствующих знаков препинания.

Поступальский Игорь Стефанович (1907—1989) – поэт, переводчик, исследователь творчества Брюсова. *Историк («Книгоцием и прорицателем...»)* // Красная стрела. Сборник-антология. Нью-Йорк, 1932. С. 9. Стих. ориентировано на «научную поэзию» Брюсова 1920-х годов, активным пропагандистом которой был Поступальский (см. его вступительную статью «Поэзия Валерия Брюсова» в кн.: Брюсов В. Избранные стихи. М.-Л., 1933).

Рославлев Александр Степанович (1883—1920) – поэт, прозаик. *Учителю («Учитель, в сердце откровенье...»)* // Рославлев А. В башне. Стихи. Кн. 1. СПб., 1907. С. 9—10. Иронический отзыв об этом стих, в статье К.И. Чуковского об эпигонах символизма «Третий сорт»: Чуковский К.И. Собрание сочинений в 15 томах. Т. 6. М., 2002. С. 110 (впервые: Весы. 1908. № 1).

Рукавишников Иван Сергеевич (1877—1930) – поэт, прозаик, теоретик стиха, переводчик. *Брюсов. (Стих напевный) («Ах, город, город, город, город...»)* // Новые стихи. Сборник первый. М., 1926. С. 52—53.

Руслов Владимир Владимирович (188?—1929) – поэт, переводчик. **Послание Валерию Брюсову. Сонет-акростих («Ваятель четких слов, Твой вдохновенный взор...»)* // ВБ. С. 60—61 (по автографу РГБ).

Садовской (Садовский) Борис Александрович (1881—1952). *Валерию Брюсову (По прочтении «Urbi et Orbi»)* («Прервав сны вещего безумья...») // Новое литературное обозрение. № 4 (1993). С. 102—103. Написано под впечатлением первой встречи с Брюсовым в середине октября 1903 г. и послано ему в письме от 23 ноября 1903 г. с припиской: «Прошу верить его искренности. Все высказанное в нем не ложь и не набор фраз, а мое искреннее убеждение»; Брюсов благодарил его за стихи в ответном письме от 25 ноября. *Валерию Брюсову (После «Всех напевов»)* («Орел! Над пасмурным болотом...») // Там же. С. 107. Послано Брюсову в письме от 20

июня 1909 г.; предназначалось для публикации в «Весах». Очевидно, Брюсов не дал согласия на публикацию, чтобы не создавать лишнего повода критике упрекать авторов журнала в саморекламе и взаимном восхвалении, как это было с сонетами-акростихами Брюсова и Кузмина.

Святловский Владимир Владимирович (1869—1927)-историк, социолог, поэт. *В.Я. Брюсов («Ты, Брюсов, странный мир, где все необычайно...»)* // Святловский В. Седые города. Пг., 1917. С. 103. Реминисценция из стих. Брюсова «Жрец Изиды» (9 марта 1900).

Игорь Северянин (псевдоним Лотарева Игоря Васильевича; 1887—1941). *Прощальная поэза. (Ответ Валерию Брюсову на его послание) («Я так устал от льстивой свиты...»)* // Игорь Северянин. Громокипящий кубок. М., 1913. С. 124. Ответ на стих. Брюсова «Игорю Северянину» (20 января 1912): Брюсов первым обратился к младшему и еще не признанному поэту за год до выхода его первого большого сб. «Громокипящий кубок» (см. воспоминания Северянина: Встречи с Брюсовым (1927) // Игорь Северянин. Стихотворения и поэмы. 1918—1941. М., 1990. С. 386—390). *Валерию Брюсову. Сонет-ответ. (Акростих) («Великого приветствует великий...»)* // Игорь Северянин. Златолира. Поэзы. М., 1914. С. 10—11. Ответ на стих. Брюсова «Игорю Северянину» (Сонет-акростих с кодою) (1912). *Поэза для Брюсова («Вы, чьи стихи как бронзолвы...»)* // Игорь Северянин. Victoria Regia. М., 1915. С. 111—112. Ответ Северянина на критические замечания Брюсова в адрес его сб. «Златолира» в ст. «Год русской поэзии. Порубежники» (Русская мысль. 1914. № 6); Брюсов парировал упреки Северянина в «зависти» в ст. «Игорь Северянин», написанной в июне 1915 г. (Критика о творчестве Игоря Северянина. М., 1916), однако личные отношения между ними были фактически разорваны. *Валерию Брюсову («Нежны berceus'ные рессоры...»)* // Игорь Северянин. Соловей. Поэзы. Берлин-М., 1923. С. 97—98. В стих. описано примирение поэтов, состоявшееся в феврале 1917 г. в Баку при участии Г.А. Шенгели (см. его воспоминания: Валерий Брюсов // Шенгели Г. Иноходец. Собрание стихов. Литературные статьи. Воспоминания. М., 1997. С. 451—453). *Брюсов («Никем не превзойденный мастер...»)* // Там же. С. 137—138. «Он – президент среди поэтов» – по воспоминаниям Северянина, он уже в 1912 г. послал Брюсову одну из своих ранних брошюр с инскриптом, начинавшимся словами «Господину Президенту республики «Поэзия»...». «Мой царский голос» – на вечере в Политехническом музее 27 февраля 1918 г., многократно описанном мемуаристами, Северянин был выбран «королем поэтов». «Великий ритор» – очерк Брюсова (1911) о древнеримском поэте Авсонии. *На смерть Валерия Брюсова («Как жалки*

ваше шиканье и свист...») // Игорь Северянин. Стихотворения и поэмы. 1918—1941. С. 250; включено в сб. «Литавры солнца», не опубликованный при жизни автора. Брюсов («Его воспламенял призывный клич...») // Игорь Северянин. Медальоны. Белград, 1934; печ. по: Игорь Северянин. Стихотворения и поэмы. 1918—1941. С. 186.

Симановский Иосиф Бенционович (1892—1967) – поэт, библиограф. *В. Брюсову («Славный учитель и муж, многоопытный в тайном труде песнопений...») // Симановский И. Новый мир. Бобруйск, 1910. С. 12. Парафраз стих. Брюсова «Начинающему» (1906).*

Скрябин Александр Николаевич (1871/1872-1915). *Валерию Яковлевичу Брюсову («Властитель и любовник нежный мира...»)// Известия Московского литературно-художественного кружка. № 10(1915). С. 7. Прочитано 18 января 1915 г. на чествовании Брюсова по случаю 25-летия его литературной деятельности.*

Славнин Игорь Кронидович (1898—1925) – поэт. *Валерию Брюсову («Бессмертьем отмечает память...») // Молодая гвардия. 1924. № 9. С. 167.*

Соколовский Александр Саулович (1895 – после 1941) – поэт; с 1920 г. в эмиграции. *Избраннику («Над жадной бездной иступленности...») // Соколовский А. Зеленые глаза. Одесса, 1916. С. 15—16.*

Соловьев Сергей Михайлович (1885—1942) – поэт, переводчик, литературный критик, публицист; племянник философа Вл. Соловьева и его биограф. *Валерию Брюсову: 1. «Ты, Брюсов, не был бы унижен...». 2. «Ты, Валерий, Пушкина лиру поднял...». 3. В ответ на «Озимя» («Прах, вспоенный влагой снега...»). 4. В ответ на «Stephanos» («Нет, наших песен не иссякла...») // Соловьев С. Цветы и ладан. Книга сихов. М., 1907. С. 65—70. «Озимя» – цикл. стих. Брюсова в журнальной публикации (Вопросы жизни. 1905. № 7); в составе книг не сохранен. «Нас было трое на турнире...» // Соловьев СМ. Стихотворения 1917—1928 г. М., 1999. С. 61—63. Несмотря на отсутствие формального посвящения, содержание и время написания стих, не оставляют сомнений в том, что это – отклик на смерть Брюсова; ср. стих. Соловьева «Стирфорс» из цикла «Тени Диккенса» – отклик на смерть Блока. Вольфрам фон Эшенбах (ок. 1170 – ок. 1220) – поэт-миннезингер, автор стихотворного романа «Парсифаль» (1200-е гг.) о поисках святого Грааля, сюжет которого использован в опере Р. Вагнера «Парсифаль» (1882). «Нас было трое...» – возможно, А.А. Блок, А. Белый и сам С.М. Соловьев.*

Сологуб Федор (псевдоним Тетерникова Федора Кузьмича; 1863—

1927). «Зальдивши тайный зной страстей, Валерий...» // Сологуб Ф. Собрание сочинений. Т. XVII. Очарования земли. СПб., 1914. С. 214. Центральный образ стих. восходит к циклу Брюсова «Криптомерии» в сб. «Chefs d'œuvre». Брюсов ответил триолетом «Ф. Сологубу» (1913).

Сырейщикова Елена Александровна (?—1918) – поэтесса, переводчик; подруга Брюсова в середине 1910-х годов. *Моему жестокому милому мальчику Валерию («Как море вольное изменчив...») // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1985. М., 1987. С. 93. Автограф в РГБ, среди писем Сырейщиковой к Брюсову; подпись: «Твоя Нелли»; строфы 6 и 11 перечеркнуты карандашом – вероятно, самим Брюсовым. «Я так тебя люблю, как и мечтать не смела...» // Ежемесячный журнал. 1917. № 1. Стб. 7; ранняя редакция: *«Я так тебя люблю, как думать не хотела...» // НН. С. 205 (по автографу РГБ).*

Тарловский Марк Ариевич (1902—1952) – поэт, переводчик. *Памяти Брюсова («Тиран покорных кирпичей...») // Тарловский М. Молчаливый полет. М., 2009. С. 258—259.*

Троицкий Борис. Возможно, автор книги стихов «Взлет» (Харбин, 1922), или Борис Васильевич Троицкий (1904—1937), будущий член президиума Госплана. *Валерию Яковлевичу Брюсову («И в пятьдесят исканья – трап от прошлого...») // Валерию Брюсову. С. 70. Эпиграф из стих. Брюсова «Nihil» (1 февраля 1922).*

Ушаков Николай Николаевич (1899—1973) – поэт, переводчик. *Сонет («Пусть металлический язык сонета...»). Брюсову // Пролетарская правда. (Киев). 1923. 16.12.*

Федоров Александр Митрофанович (1866—1949) – поэт, прозаик. *На войне («Мы на войне. Вы слышите ли, люди...») // Клич. Сборник на помощь жертвам войны. М., 1915. С. 150. В 1914—1915 гг. Федоров, как и Брюсов, был военным корреспондентом в Польше, представляя газету «Утро России». В конце ноября 1914 г. Брюсов посвятил ему стих. «На память об одном закате» (в сб. «Семь цветов радуги») и «А.М. Федорову. Напоминание о дальнем путешествии в автомобиле «Утра» 25—27 ноября 1914 г.» (*НН. С. 105).*

Цветаева Марина Ивановна (1892—1941). *В.Я. Брюсову («Улыбнись в мое «окно»...») // Цветаева М. Волшебный фонарь. М., 1912. С. 111. Отклик на оценку Брюсовым в ст. «Новые сборники стихов» первого сб. Цветаевой «Вечерний альбом» (1910): «Когда читаешь ее книгу, минутами становится неловко, словно заглянул нескромно через полузакрытое окно в чужую квартиру... Мы будем также ждать, что поэт найдет в своей душе чувства более острые... и мысли более нужные» (Русская мысль. 1911. № 2). В.Я.*

Брюсову («Я забыла, что сердце в вас – только ночник...») // Цветаева М. Из двух книг. М., 1913. С. 23. Отклик на оценку Брюсовым сб. «Волшебный фонарь» в ст. «Сегодняшний день русской поэзии»: «...Невозможно примириться с этой небрежностью стиха, которой все более и более начинает щеголять г-жа Цветаева. Пять-шесть истинно поэтических красивых стихотворений тонут в ее книге в волнах чисто «альбомных» стишков, которые если кому интересны, то только ее добрым знакомым» (Русская мысль. 1912. № 7). В 1913 г. Брюсов собирался ответить на упреки недоброжелателей в «зависти» (в том числе по отношению к Цветаевой) в особой заметке, но не довел работу над ней до конца; набросок опубликован: ЛН. Т. 85. С. 205—208.

Чачиков Александр Михайлович (1894—1941) – поэт, переводчик. *Поэту-филателесту («Века пройдут – томительные звенья...»)* // Советский филателист. 1924. № 10. С. 19.

Шенгели Георгий Аркадьевич (1894—1956). *У гроба Брюсова («Тяжелый, серебряный, креповый свет...»)* // Звезда. 1925. № 1. С. 102; вошло в сб. «Норд» (1926). В тот же день Шенгели писал М.М. Шкапской: «Умер Брюсов. Сегодня он еще лежит в зале Института, в сюртуке, узкоплечий, с запавшими глазами, сердитый и удивительно похожий на Плеханова» (Минувшее. Исторический альманах. 15. М. – СПб., 1994. С. 263; публ. СВ. Шумихина). **Валерий Брюсов («Подобен панцырю затянутый сюртук...»)* // Волга. 1992. № 4. С. 117 (по автографу РГБ). В авторизованной машинописи РГБ после 16-й строки автором вычеркнуты еще четыре:

Кишеньке толп людских, труда извечный лязг,
Отравы мятежей, самоубийств соблазны,
Загадки звездных сфер и судороги ласк —
Все им воплощены, как стих, многообразны,

(впервые: ВБ. С. 154). Вошло в неопубликованный при жизни автора сб. «Панцырь. Стихи 1935—1945». Образы стих, развиты в статьях Шенгели: В.Я. Брюсов // Вечерняя Москва. 1939. 8. 10; *Валерий Брюсов (1946) // НИ. С. 206—210.

Шершеневич Вадим Габриэлевич (1893—1942). *Тост («Все мы как будто на роликах...»)* // Пир во время чумы. Вып. П. М., 1913. С. [3]. В архиве Брюсова сохранилось несколько посвященных ему шуточных версификационных упражнений Шершеневича.

Ширман Григорий Яковлевич (1898—1956) – поэт; врач-гинеколог. «Опять в цветах знакомый челн...» // Ширман Г. Карусель Зодиака. М., МСМХХVI (1926). С. 126. «В кругу последнем ада, где Виргилий...» // Ширман Г. Череп. Сонеты. М, МСМХХVI (1926). С. 47. «Скажите мне, где проживает некий...» // Ширман Г. Зазвездный зов. М, 2012. С. 591—592.

Эллис (псевдоним Льва Львовича Кобылинского; 1879—1947) – поэт, переводчик, литературный критик; с 1911 г. жил за границей. *Поэту наших дней* («Земле и небу не простила...») // Весы. 1907. №11. С. 15—17.

Эльснер Владимир Юрьевич (1886—1964) – поэт, переводчик. *Валерию Брюсову* («Ты русской речи Всадник Медный...») // Эльснер В. Выбор Париса. М., 1913. С. 79.

Стихотворения, не включенные в настоящее издание (в хронологическом порядке)

Бальмонт К. Океан («Вдали от берегов страны обетованной...»). Валерию Брюсову // Бальмонт К. Собрание стихов. Т. 1. М., 1905. С. 60.

Курсинский А. Рассвет («Бледно-белой пеленою...»). Посвящается В. Брюсову // Курсинский А. Полутени. Лирические стихотворения. М., 1896. С. 16—17.

Бальмонт К. «Прорезав тучу, темную, как дым...». Валерию Брюсову // Книга раздумий. К.Д. Бальмонт – Валерий Брюсов – Модест Дурнов – Ив. Коневской. СПб., 1899. С. 16.

Коневской Иван (псевдоним Ореуса Ивана Ивановича; 1877—1901)^[7]. Призыв («Давно ли в пущах безответных...»). Валерию Я. Брюсову. 3 мая 1899 // Коневской И. Мечты и думы. СПб., 1900. С. 9.

Бальмонт К. Воля («Неужели же я буду так зависеть от людей...»). Валерию Брюсову // Бальмонт К. Собрание стихов. Т. 2. М., 1904. С. 229—230.

Бальмонт К. «Я не из тех, кто требует любви...». 15/28 мая 1902^[8] // ЛИ. Т. 98. Кн. 1. М., 1991. С. 131—132. [Письмо к Брюсову].

Бальмонт К. «Так ты не получил проклятия мои?..». 25 мая/6 июня 1902 // Там же. С. 132. [Письмо к Брюсову].

Бальмонт К. «Если светится волна...». 14/27 июня 1902 // Там же. С. 133. [Письмо к Брюсову].

Бальмонт К. «О ты, которого зловещая старуха...» // Там же. С. 137. [В письме к Брюсову].

Балтрушайтис Юргис Казимирович (1871—1944). Ночью («В великий храм полночного молчанья...»). Валерию Брюсову // Северные цветы. Альманах третий. М., 1903. С. 181.

Белый А. Не тот. [Цикл.] В.Я. Брюсову // Белый А. Золото в лазури. М, 1904. С. 27—34. (6 стих.)

Сологуб Ф. От злой работы палачей («Она любила блеск и радость...»). Баллада. Валерию Брюсову. 8 ноября 1898; 24—30 марта 1904 // Сологуб Ф. Родине. СПб., 1906. С. 10—12.

Иванов Вяч. Ответ («Над омутами темными...»). Валерию Брюсову. 16

июня 1904 //ЛН. Т. 85. М., 1976. С. 449. [В письме к Брюсову].

Бальмонт К. «Где ты, где ты, колдующий Валерий?...». 30 июня/12 июля 1904 //ЛН. Т. 98. Кн. 1. С. 156. [В письме к Брюсову].

Бальмонт К. Запорожская дружина («Запорожская дружина дней былых была прекрасна...»). Валерию Брюсову. Сентябрь 1905 //ЛН. Т. 98. Кн. 1. С. 168—169.

Иванов Вяч. Надпись под «Венок» («Сам он имя мое начертал на этом базальте...»). Январь 1906 // ЛН. Т. 85. С. 490.

Бальмонт К. Слепцы («Один слепец ведет другого...»). Поэту, не понимающему бури, В. Брюсову // Красное знамя. (Париж). 1906. № 6. С. 28.

Гумилев Николай Степанович (1886—1921). Волшебная скрипка («Милый мальчик, ты так весел, так светла твоя улыбка...»). Валерию Брюсову // Гумилев Н. Жемчуга. СПб., 1918. С. 7—8. [Первая публикация с посвящением; впервые, без посвящения: Весы. 1908, № 6. С. 7—8].

Иванов Вяч. «О Валерий! Не венцами.....». 1 февраля 1909 //ЛН. Т. 85. С. 520 [В письме к Брюсову].

Кондратьев Александр Алексеевич (1876—1967). Парис – Ахиллесу («Неподвижны ветви пиний...»). Посв. Вал. Як. Брюсову. 1909 // Кондратьев А. Стихи. Книга вторая. Черная Венера. СПб., 1909. С. 13—14.

Геркен Евгений Георгиевич (Юрьевич) (1886—1962). Город («Как этот город тускл и бледен...»). В. Брюсову // Геркен Е. Лирические стихотворения 1907—1909 гг. Казань, 1909. С. 55.

Брихничев И.П. «Чтобы свет нам светился во мгле...». Валерию Брюсову // Новая земля. 1911. № 26. Октябрь. С. 3.

Асеев Николай Николаевич (1889—1963). Внезапье («Бился пульс нараставшего горя...») // Асеев Н. Ночная флейта. М., 1914. С. 10.

Балтрушайтис Ю. Сонет («Я весь поник пред Господом живым...»). Валерию Брюсову // Балтрушайтис Ю. Земные ступени. М., 1911. С. 61.

Балтрушайтис Ю. Мой сад («Мой тайный сад, мой тихий сад...»). Валерию Брюсову // Там же. С. 69—70.

Балтрушайтис Ю. Черное озеро («Из храма гор, из сонной мглы лесной...»). Валерию Брюсову// Там же. С. 79—80.

Балтрушайтис Ю. «Час покоя! Стелет тени...». Валерию Брюсову // Там же. С. 99—100.

Балтрушайтис Ю. Круг вековечный («Близится ночь к рассвету...»). Валерию Брюсову // Балтрушайтис Ю. Горная тропа. Вторая книга стихов. М., 1912. С. 19—20.

Балтрушайтис Ю. Колокол («Высился в славе созвучий...»). Валерию

Брюсову // Там же. С. 25—26.

Игорь-Северянин. На летуне («Король на плахе. Королевство...»). Валерию Брюсову. 17 февраля 1912 // Игорь-Северянин. Громокипящий кубок. М., 1913. С. 106.

Бестужев Владимир (псевдоним Гиппиуса Владимира Васильевича; 1876—1941). * Ильмаринен («Не верю в мир, как в ряд поставленных...»). Валерию Брюсову. 1 апреля 1912 // Волга. 1992. №4. С. 114.

Тиняков Александр Иванович (1886—1934). Валерию Брюсову («Над мертвой пропастью машин...»). 11 мая 1912 // Тиняков А. (Одинокий). Стихотворения. М., 1998. С. 234—235.

Львова Н. «Не только пред тобою – и предо мной оне...» // Львова Н. Старая сказка. Стихи 1911—1912. М., 1913. С. 50—51.

Семилуцкая Леонилла (псевдоним Горчаковской Леониллы Ивановны). Отшельник. («Где немой разросся ельник...»). Посвящ. В. Брюсову // Семилуцкая Л. Смена волн. Стихи 1909—1912. Т. 1. СПб., 1912. С. 28.

Шершеневич В.Г. Rondo amoroso. («Как тонкое sachet в моей душе...»). Валерию Брюсову. <27 февраля 1913> // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1985. М., 1987. С. 95.

Игорь-Северянин. Тоска о Сканде («У побережья моря Черного...»). Валерию Брюсову. Март 1913 // Игорь-Северянин. Златолира. Поэзы. М., 1914. С. 112.

Игорь-Северянин. Открытка Валерию Брюсову («Вы поселились весной в Нидерландах...»). Август 1913 // Игорь-Северянин. Собрание поэт. Т. 3. М., 1916. С. 126.

Усов Дмитрий Сергеевич (1896—1943). 3-я стража («Я сплю. Но стража ночи медной...»). Автору «Tertia Vigilia» // Усов Д. «Мы сведены почти на нет...». Том 1. Стихи. Переводы. Статьи. М., 2011. С. 200—201.

Иванов Вяч. Лира и ось. Валерию Брюсову: 1. «Слепец, в тебя я верую...». 2. «Есть Зевс над твердью – и в Эребе...» // Сириин. Сборник третий. СПб., 1914. С. XLIII—XLVI.

Юнгер Владимир Александрович (1883—1918). 17 января («Когда так холодно, и коченеют пальцы...»). Валерию Брюсову // Юнгер В. Песни полей и комнат. СПб., 1914. С. 39.

Брихничев И.П. В. Брюсову («Не вечно осенние вьюги...») // Брихничев И. Осанна. Вторая книга стихов. Одесса, 1914. С. 99—101.

Большаков Константин Аристархович (1895—1938). Англии («Из стали лондонских туманов...»). Валерию Брюсову. 7 января 1915 // Большаков К. Солнце на излете. М., 1916. С. 58—59.

Иванов Вяч. Валерию Брюсову («Книжка тебя догоняет, и с ней догоняют приветы...»). 2 июня 1915 // ЛИ. Т. 27/28. М., 1937. С. 672. [Инскрипт на кн.: Алкей и Сафо. Собрание песен и лирических отрывков в переводах размерами подлинников Вяч. Иванова. М., 1914].

Шершеневич В.Г. Баллада Валерию Брюсову («Ты раз сказал нам, что на «сердце»...»). <19 ноября 1915> // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1985. М., 1987. С. 94.

Б., Евгений [Криптоним не раскрыт]. Поэту («Взлетай, поэт, душой своей свободной...»). Посв. Валерию Брюсову // Бакинец. 1916. №4. Января. С. 5.

Дитерихс-Дитрихштейн Владимир Давидович (1890—1967?) Улицы («Улицы, жутко манящие...»). Валерию Брюсову // Дитерихс-Дитрихштейн В. Тихая свирель. Собрание стихов 1912—1916 гг. Пг., 1917. С. 56.

Выгодский Давид Исаакович (1893—1943). Валерию Брюсову. Экспромт на приеме («Где голос твой стальной...»). 22 сентября 1921 // Лица. Биографический альманах. Кн. 1. М. – СПб., 1992. С. 91.

Королев Владимир Леонидович (1896—1925). Спектакль-Gala. Валерию Брюсову // Корабль. (Калуга). 1922. № 4. С. 7.

Крайний И. (псевдоним Мукосеева Ивана Ивановича). Волынка. Песня пастуха («Ты играй, моя волынка...»). Посвящается лектору Литературно-Художественного кружка В. Брюсову // Рабочая газета. 1922. 26.09.

Иванов Вяч. Брюсову («Странником старца меня у ворот седмихолмного Рима...») // Иванов Вяч. Собрание сочинений. Т. IV. Брюссель, 1986. С. 93.

Новиков Иван Алексеевич (1877—1959). Брюсов («Дуб на вершине вершиной шумел...»). 20 мая 1924 // Новиков И. Писатель и его творчество. М., 1956. С. 515. [Две первых строфы].

Алтаев Сергей Александрович (1883-?). Венок на могилу В.Я. Брюсова («Одним из первых ты в искусстве...») // Пролетарий. (Харьков). 1924. 31.10.

Аргашев Сергей (псевдоним Семенова Сергея Петровича; 1902—1985). Гость города («Проспект огнями был залит...»). Памяти В. Брюсова // Бакинский рабочий. 1925. 9.10.

Белый А. Брюсов. Сюита: 3. «Свет, – как жегло; и воздух пылен...» 5. «В бездну...». 1929. 7. «Проклятый, одинокий...». 1907; 1929 // Белый А. Стихотворения и поэмы. Л., 1966. С. 514—515, 516—518.

Таубер Екатерина Леонидовна (1903—1987). «Тисненый черный переплет...» // Перекресток. Вып. 1. Париж, 1930. С. 38.

Городской Я. Карпаты («Целуем землю Киевскую снова...»). Памяти

Валерия Брюсова // Городской Я. Возвращение. Киев, 1946. С. 55.

notes

Примечания

1

Валерию поэту (лат.).

2

Змеи мне были друзьями (итал.).

3

Пречистая мать (лат.).

4

Последнее прости (лат.).

5

По злomu ветру (франц.).

Вас, которым предстоит смерть, он учит рождаться. //Вас, которым предстоит родиться, он зовет к жизни, (лат.)

Приводятся имена, отчества и даты жизни только тех авторов, стих. которых не включены в основной корпус.

Двойные даты отражают разницу старого и нового стилей.